

Письма И. С. Тургенева къ И. П. Борисову.

1858—1871.

Молодому, даровитому писателю Б. А. Садовскому, занимающемуся и разслѣдованіями по исторіи Русской словесности, нельзя было отказать въ помѣщеніи статьи его въ „Русскомъ Архивѣ“ (1909, вып. 4-й). Знаменитый писатель, подборомъ выдержекъ изъ собственныхъ его писемъ къ разнымъ лицамъ, изображенъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ, какъ себялюбецъ и великій охотникъ рисоваться. Эта статья, подумали мы, прочитавъ ее въ рукописи, заслужила бы одобреніе Достоевскаго, и намъ припомнилось одно изъ предварительныхъ засѣданій „Общества любителей Русской словесности“ передъ открытіемъ памятника Пушкина. М. М. Ковалевскій настаивалъ, чтобы не посылали Достоевскому билета на предстоявшее торжественное въ домѣ Московскаго Дворянскаго Собранія засѣданіе, и на вопросъ, почему? отвѣчалъ, что Достоевскій оскорбилъ Тургенева. Тутъ мы узнали, что въ какомъ-то публичномъ засѣданіи въ Петербургѣ Тургеневъ съ какими-то намеками говорилъ рѣчь и когда онъ ее кончилъ, Достоевскій во всеуслышаніе спросилъ его: „Да скажете же, наконецъ, Иванъ Сергѣевичъ, чего вы хотите отъ молодыхъ людей?“ Тургеневъ до того смутился этими словами, что съ нимъ сдѣлалось дурно (точно тоже съ нимъ было и за завтракомъ на Большой Морской, въ домѣ Стебеуса у А. Н. Мальцовой, когда въ сосѣднемъ домѣ раздался выстрѣлъ: это было покушеніе на Лорисъ-Меликова). О несогласіи на предложеніе М. М. Ковалевскаго, касательно билета просили записать въ протоколъ покойный П. Е. Басистовъ, Ф. Б. Миллеръ и пишущій эти строки. Никто еще не могъ ожидать, что Достоевскій два-три дня спустя всетаки взоидеть на кафедру и произнесетъ свою знаменитую рѣчь.

Черезъ 19 лѣтъ послѣ того, человѣкъ новаго поколѣнія, молодой Садовскій посмѣлъ „свое сужденіе имѣть“, и статья его появилась у насъ. Теперь, въ видахъ историческаго безпристрастія, помѣщаемъ письма И. С. Тургенева къ И. П. Борисову, въ которыхъ „искатель милости студентовъ“ является съ привлекательной своей стороны. Сосѣдъ Тургенева по Орловскимъ деревнямъ, Иванъ Петровичъ Борисовъ былъ человѣкъ отмѣннаго благородства и доброты.

Это былъ близкій пріятель Фета. Онъ часто посѣщалъ находившуюся въ нашемъ вѣдѣніи Чертковскую бібліотеку, особенно въ то время, когда графъ Л. Н. Толстой поручилъ намъ первое изданіе въ свѣтъ „Войны и Мира“.

Письма Тургенева извлечены изъ VIII тома Щукинскаго Сборника. Приносимъ достоцитому Петру Ивановичу Щукину благодарность нашу за дозволеніе ими воспользоваться. П. Б.

*

Парижъ, 11 (23-го) Дек. 1861.

Я только вчера получилъ ваше письмо отъ 12-го Окт., любезнѣйшій Иванъ Петровичъ: оно находилось два мѣсяца въ дорогѣ; это сильно даже для Русской почты. Благодарю васъ за это письмо. Отъ него вѣтъ такой искренней и доброй пріязни, что я былъ тронуть. Оно возбудило во мнѣ желаніе побывать опять въ нашихъ некрасивыхъ и неудобныхъ, но почему-то привлекательныхъ, мѣстахъ. Кто мнѣ растолкуеть то отрадное чувство, которое всякій разъ овладѣваетъ мною, когда я съ высоты Висельной горы открываю Мценскъ? Въ этомъ зрѣлищѣ нѣтъ ничего особенно плѣнительнаго, а мнѣ весело. Это и есть чувство родины.

Поздравляю васъ съ окончательнымъ устройствомъ вашего гнѣзда и да будетъ оно предзнаменованьемъ устройства вашихъ дѣлъ. Но, судя по доходящимъ до меня слухамъ и письмамъ, мужички наши еще долго будутъ насъ крутить.

И такъ вы охотитесь въ окрестностяхъ Мценска и даже находите зайцевъ? Последнее обстоятельство меня поражаетъ. Я до сихъ поръ не могъ себѣ представить болѣе пустыннаго (въ отношеніи дичи) мѣста. Но впрочемъ съ тѣхъ поръ, какъ Фетъ убилъ утку на *своемъ* прудѣ, все возможно. Я получаю изрѣдка письма отъ этого милаго смертнаго; онъ въ нихъ плачетъ подобно Іереміѣ... а все таки я убѣжденъ, что дѣла его идутъ недурно. Главная ошибка его была покупка Степановки, но онъ съ тѣхъ поръ умѣлъ ее исправить.

Я здѣсь вижу Боткина*), который лечится старательно, но ѣтъ напропалую. Впрочемъ онъ теперь почти молодцомъ сталъ.

Извѣстія изъ Россіи, литературныя и всякія другія, печальны. Мы живемъ въ темное и тяжелое время, и такъ-таки не выберемъ изъ него. Въ Современникѣ я однако прочелъ повѣсть, въ которой попадаются проблески несомнѣннаго дарованія: „Молотовъ“ Помяловскаго.

*) Василія Петровича.

Я пожалѣлъ о смерти Добролюбова, хотя и не раздѣлялъ его воззрѣній: человекъ былъ даровитый, молодой... Жаль погибшей, напрасно потраченной силы!

Необходимыя поправки къ моей повѣсти я еще не кончилъ, и она раньше Февраля или Марта не появится въ Русскомъ Вѣстникѣ. Новаго я ничего не дѣлаю; кажется, я самому себѣ сказалъ: Баста!

*

Парижъ, 3-го Марта (21 Февраля) 1862.

Доложу вамъ, что я на дняхъ увидалъ первые листики на сиреняхъ, чему я очень обрадовался; ибо это предвѣщаетъ весну, а весною я возвращаюсь въ Мценскій уѣздъ, Орловской губерніи, въ село Спасское, которое находится всего въ 15-ти верстахъ отъ Новоселокъ *) и (увы!) въ 70-ти отъ Степановки.

Фету я написалъ недѣли двѣ тому назадъ письмо съ иллюстраціями, которое онъ вѣроятно вамъ показалъ. Вы совершенно вѣрно опредѣлили его характеръ. Недаромъ въ немъ частица Нѣмецкой крови; онъ дѣятеленъ и послѣдователенъ въ своихъ предпріятіяхъ, при всей поэтической безалаберщинѣ, и я увѣренъ, что, конецъ концовъ, его *лирическое* хозяйство принесетъ ему больше пользы, чѣмъ множество другихъ, прозаическихъ и практическихъ. Съ умиленіемъ воображаю, какъ я буду дразнить его, спорить съ нимъ и т. д.

Не знаю, получили ли вы уже номеръ Русскаго Вѣстника съ моимъ дѣтищемъ (сомнѣваюсь, зная аккуратность редакціи и таковую же почты), но если получили, скажите свое мнѣніе. Я здѣсь почти не вижу Россійскихъ журналовъ, но доходящія до меня слухи о нихъ представляютъ мало отраднаго. Какое-то бесплодное барахтаніе... а впрочемъ можетъ быть мы устарѣли и уже не понимаемъ потребностей вѣка. „Минина“ я все еще не получилъ, хотя пріятели хоромъ обѣщали его выслать.

Здоровье мое порядочно, а бездѣйствіе—абсолютно. Это уже не лѣнь, это какое-то коснѣніе въ родѣ тѣхъ „бѣлокрылыхъ видѣній“, которыя „коснѣютъ въ этой полумглѣ“. Помните вы при этомъ изящный изгибъ, который Фетъ придаетъ своей талѣ? О, когда я его увижу! Я увѣренъ, что онъ еще растолстѣлъ.

*

Парижъ, 3-го (15-го) Декабря 1862.

Rue de Rivoli, 210.

Меня искренно обрадовало извѣстіе о женитьбѣ Толстаго и то, что вы пишете объ его женѣ, которую я, помнится, видѣлъ почти

*) Помѣстье И. П. Борисова.

ребенкомъ у ея отца, А. Е. ¹⁾ Берса. Желаю ему счастья, мира и тишины. Я не хотѣлъ бы съ нимъ встрѣчаться; но я никогда не переставалъ принимать самое живое участіе во всемъ, чтò касается до него, и теперь мнѣ особенно было пріятно услышать, что онъ снова принялся за литературную дѣятельность, которой ему никогда не слѣдовало бы покидать.

Извѣстія, сообщаемыя вами о ходѣ крестьянскаго дѣла, вообще утѣшительны и совпадаютъ съ извѣстіями, приходящими изъ другихъ источниковъ. Весной, я надѣюсь, все окончательно успокоится, и когда я, въ Маѣ мѣсяцѣ, отъѣжусь въ Спасское, дѣло будетъ сдѣлано и начнется новая жизнь. Но и старая не забудется, а именно: поѣздки въ Новоселки и въ Степановку, Редереръ и т. д.

*

Парижъ, 22-го Февраля (6-го Марта). 1863.

Rue de Rivoli, 210.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, ваши большія, милыя и умныя письма всегда доставляютъ мнѣ истинное удовольствіе: въ нихъ выражается ваша прекрасная душа; да кромѣ того, отъ нихъ вѣтъ такимъ роднымъ, Орловски-степнымъ воздухомъ, что мнѣ здѣсь, на чужбинѣ, остается только благодарить да дышать поглубже. Въ теперешнюю эпоху оно еще отраднѣе: столько грустныхъ, тяжелыхъ впечатлѣній...

Вы не повѣрите, какъ бы мнѣ хотѣлось именно теперь находиться на родинѣ: чтò тамъ дѣлается, какъ встрѣтилъ народъ давно ожидаемую годовщину 19-го Февраля, чтò случилось съ дворовыми, чтò говорятъ и толкуютъ дворяне? Мысли мои постоянно у васъ. Здѣсь мы въ самый день 19-го Февр. собрались у Николая Милютина (Николай Ивановичъ Тургеневъ былъ въ числѣ гостей), пили за здоровье Царя, народа, всѣхъ сотрудниковъ великаго дѣла, старика Тургенева-начинателя, Милютина-совершителя ²⁾; произносили небольшіе, не краснорѣчивые, но теплые и дѣльные спичи. Мнѣ, какъ автору „Записокъ Охотника“, было сказано нѣсколько добрыхъ словъ, которыя я буду всегда помнить, какъ лучшую награду. А въ Современникѣ, говорятъ, такъ меня пробираютъ, что просто пыль столбомъ. Ну да Богъ съ ними! Пускай куражится молодежь! Дай ей Богъ скоро найти такихъ дѣятелей и затѣять такія дѣла, что и бранить-то меня не останется охоты.

¹⁾ Андрея Евстафьевича.

²⁾ Мы помнимъ, какъ М. П. Погодинъ привезъ къ Н. А. Милютину (уже больному) пѣвца Славянскаго и сказалъ: Вотъ огласившій Русскою пѣсню всю Европу пріѣхалъ къ вамъ, столько потрудившемуся для того, чтобы Русскому народу жить пріѣвѣчн.

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277.

5-го (17-го) Юня 1864.

Пишу вамъ изъ своего Баденскаго гнѣздышка, которое такъ мнѣ полюбилось, что заставляетъ измѣнить нашимъ „палестинамъ“. Я купилъ себѣ здѣсь десятины полторы землицы и намѣренъ съ нынѣшняго же года завести садъ, а съ будущей весны начать строиться. Здоровье мое удовлетворительно, работаю я очень мало: вотъ и все, что можно сказать обо мнѣ въ настоящемъ.

Въ прошедшемъ была поѣздка въ Петербургъ, кончившаяся, какъ вамъ извѣстно, весьма благополучно и доставившая мнѣ случай понюхать немного родину и людей въ ней живущихъ. Запахъ оригинальный! Но вамъ, бѣдный Иванъ Петровичъ, приходилось плохо: несчастное положеніе вашей супруги и наконецъ эта мѣла, и вамъ придется вздохнуть нѣсколько посвободнѣе*).

Со стыдомъ долженъ признаться, что не исполнилъ вашей просьбы о портретѣ: посылаю вамъ карточку свою; не знаю имѣете ли вы такую. Примите ее какъ знакъ искренней привязанности человѣка, который забывчивъ и разсѣянъ, но не измѣнчивъ.

На дняхъ перечелъ я романъ Л. Н. Толстаго „Казаки“ и опять пришолъ въ восторгъ. Это вещь поистинѣ удивительная и силы чрезвычайной. Что онъ дѣлаетъ? Напишите два слова о немъ. Хотя мы съ нимъ Монтекки и Капулетти, но я принимаю большое въ немъ участіе и съ удовольствіемъ узнаю, что ему хорошо. „Неудавшійся романъ“ въ Русскомъ Вѣстникѣ, говорятъ, вовсе не его. Я впрочемъ этой вещи не читалъ. Какое ваше мнѣніе о „Маревѣ?“

Поклонитесь милѣйшему Фетищу и сообщите ему это письмецо. Я тоже въ долгу передъ нимъ. У него теперь должно быть гостить В. П. Боткинъ, который провелъ здѣсь нѣсколько дней. Богъ знаетъ, увижу ли я его и васъ въ нынѣшнемъ году. Сомнѣваюсь. Но вамъ надобно сдѣлать, какъ Магометъ сдѣлалъ съ горой: она не пошла—онъ пошелъ. Зову васъ въ Баденъ погостить у меня. Что же тутъ необыкновеннаго? Оно только такъ кажется съ перваго взгляда. Приѣхать сюда и съ Петей, вовсе не затруднительно: легче чѣмъ съѣздить въ Орель. Подумайте-ка, если не въ этомъ году, такъ въ будущемъ.

Къ сожалѣнію я глупо распорядился и не получаю здѣсь Московскихъ Вѣдомостей; вижу только изрѣдка Сѣверную Почту—пища

*) Супруга И. П. Борисова повредила въ умѣ.

скудная! О толстыхъ журналахъ и помину нѣтъ. Иногда съѣздишь въ Гейдельбергъ, считаешь, впрочемъ безъ большаго удовольствія.

Р. S. Я печатаю въ Карлсруэ полное собраніе своихъ сочиненій; идетъ очень хорошо.

*

Бадень-Бадень, Schillerstrasse, 277.

Вторникъ, 4-го Окт. (22-го Сент.) 64.

Мнѣ здѣсь хорошо живется. Здоровье весьма удовлетворительно, охота тоже, старые друзья съ каждымъ днемъ мнѣ становятся ближе и дороже; вмѣстѣ съ осеннимъ ненастьемъ ложатся на жизнь и осеннія краски и осенняя тишина. Желанія успокоились, и дѣятельность прекращается; но тѣмъ болѣе разыгрывается фантазія, и тѣшишься поеволѣ ея неопредѣленной и безслѣдной игрой. День скользитъ тихонько за днемъ, и только и думаешь: какъ бы это продолжилось подольше и въ томъ же родѣ!

А вы въ тоже самое время прожили много горькихъ и тяжелыхъ минутъ.... Могу васъ увѣрить, что я часто, съ искреннимъ участіемъ думалъ о васъ и отъ души желаю, чтобы хоть теперь вы успокоились и порадовались, глядя, какъ подрастаетъ вашъ умница, котораго заочно цалую. Помнить ли онъ, какъ онъ сперва дичился меня, а потомъ подружился со мною? Скажите ему, что рано, или поздно, я жду его къ себѣ, въ свой Баденскій домъ, который понемножку начинаетъ выростать изъ земли. Самъ же я не знаю, когда я загляну въ наши родные края; надѣюсь, что это непременно сбудется въ 1865-мъ году. По многимъ причинамъ мнѣ надо тамъ побывать.

*

Парижъ, Rue Basse, 10, Passy.

9-го Февр. (28-го Янв.) 1865. Четвергъ.

Пріѣхалъ я въ Парижъ для того, чтобы сыграть свадьбу моей дочери, которая 25-го Февр. выходитъ за молодаго хорошаго Француза, нѣкоего г-на Gaston Bruère. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ эта увѣнчалась успѣхомъ, и я теперь очень радъ, что мы до сихъ поръ не торопились: партія во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительная. Я нахожусь въ великихъ хлопотахъ; выдать дѣвушку замужъ—это цѣлая исторія, чуть не цѣлое уголовное дѣло во Франціи, а при ненормальномъ положеніи моей дочери*), затрудненія усложняются въ десять разъ. Однако все уладилось, и за исключеніемъ болѣзни или чего нибудь еще хуже, кажется, никакихъ препятствій предвидѣть нельзя. Вы легко можете себѣ представить, какъ я доволенъ.

*) Т. е., что она прижита безъ брака.

Тотчасъ по окончаніи свадьбы, я возвращаюсь въ мой любезный Баденъ, а въ самыхъ первыхъ числахъ Апрѣля ѣду въ Россію. Въ Петербургѣ я останусь нѣсколько дней, въ Москвѣ нѣсколько часовъ, и прямо въ Спасское. Это *вѣрно, несомнѣнно*, опять таки если что нибудь фатальное не помѣшаетъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ мечтаю о томъ, какъ мы сразимся въ шахматы съ вами на вашей террасѣ, въ присутствіи Пети, который уже вѣрно знаетъ ходы и которому прошу кланяться отъ моего имени. А отъ васъ надо будетъ махнуть къ Фету, и тамъ, не смотря на весь мракъ его отчаянія и печальныхъ предсказаній, пойдутъ трюфели, пулярды подъ бѣлымъ соусомъ и батюшка Редереръ. Доживемъ, такъ поживемъ.

Очень меня опечалило извѣстіе о Толстомъ. Надѣюсь, что онъ давнымъ давно справился и работаетъ. Ему книги въ руки. Не хитри только этотъ человекъ, отдайся своему таланту, Господи Боже, куда онъ уйдетъ! Передъ нимъ жизнь только что начинается: чтò за годы 36 лѣтъ, да и силы какія! Съ нетерпѣніемъ ожидаю его новаго романа.

А меня вы, душа моя, напрасно шевелите. Моя пѣсенка спѣта. Такъ спокойно катится жизнь, такъ мало сожалѣній, тревогъ, что только думаешь объ одномъ: матушка Середа, будь похожа на Вторникъ, какъ самъ батюшка Вторникъ былъ похожъ на Понедѣльникъ. Не поднимайтесь со дна вы, всякіе черные тараканы: болѣзнь, слѣпота, глухота, увѣче, а больше не надо, не надо ничего. Куда намъ бороться и ломать деревья! Благо, чувство къ красотѣ не изсякло; благо, можешь еще порадоваться ей, всплакнуть надъ стихомъ, надъ мелодіей.... А тутъ охота, страсть, горячая, сильная, неистомная; пѣсь такой, что цѣлой вселенной на удивленіе: коронованныя особы (безъ шутокъ, это сдѣлалъ принцъ Гессенскій на охотѣ) передъ нимъ шапки ломаютъ, и предлагаютъ мнѣ громадныя суммы.... Онъ такъ отыскиваетъ всякаго раненаго звѣря, птицу, что на легенду сбивается, право. Спросите любаго мальчугана въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ: а слыхалъ ты о Пегазѣ, собакѣ одного Русскаго въ Баденѣ, такъ онъ о Русскомъ ничего не знаетъ, а Пегазу знаетъ! Чего еще? Помилосердуйте!

Продавать изданіе съ билетомъ пожелалъ самъ книгопродавецъ для скорѣйшаго приобрѣтенія денегъ. Впрочемъ послѣдній томъ подвигается уже къ концу. Я вамъ привезу экземпляръ.

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277.
16-го (28-го Марта) 1865. Вторникъ.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, вы не повѣрите, какъ я люблю получать отъ васъ письма: не говорю уже о томъ, что они напоминаютъ

мнѣ о человѣкѣ, къ которому я искренно привязанъ, но онѣ составляютъ почти единственную мою связь съ нѣкоторою „сутью“ Русской жизни, которая съ каждымъ днемъ слабѣетъ и теряется для меня. Нечего грѣха таить: отрѣзанный я ломоть, и вѣрно такъ тому и быть слѣдовало; а по временамъ въ сердцѣ шевелится нѣчто въ родѣ сожалѣнія. Оно было бы еще сильнѣе, еслибъ я не почиталъ своего дѣла конченнымъ, а доживать свои денечки можно вездѣ. Впрочемъ я не желаю ни разчувствоваться, ни о себѣ говорить: лучше выражу то удовольствіе, съ которымъ я мечтаю о нашемъ свиданіи, „весной, при пѣсняхъ соловьиныхъ“.

Съ тѣхъ поръ, какъ пришло ваше письмо, я успѣлъ прочесть драму Островскаго (Воеводу) и начало романа Толстаго. Къ истинному своему огорченію, я долженъ признаться, что романъ этотъ мнѣ кажется положительно плохъ, скученъ и неудаченъ. Толстой зашолъ не въ свой монастырь, и всѣ его недостатки такъ и выпятились наружу. Всѣ эти маленькія штучки, хитро подмѣченныя и вычурно высказанныя, мелкія психологическія замѣчанія, которыя онъ подъ предлогомъ „правды“, выковыриваетъ изъ подъ мышекъ и другихъ темныхъ мѣстъ своихъ героевъ, какъ это все мизерно на широкомъ полотнѣ историческаго романа! И онъ ставитъ этотъ несчастный продуктъ выше „Казаковъ“! Тѣмъ хуже для него, если это онъ говоритъ искренно. И какъ это все холодно, сухо, какъ чувствуется недостатокъ воображенія и наивности въ авторѣ, какъ утомительно работаетъ передъ читателемъ одна память мелкаго, случайнаго, ненужнаго. И что это за барышни! Все какія-то золотушныя кривляки. Нѣтъ, эдакъ нельзя; такъ пропадешь, даже съ его талантомъ. Мнѣ это очень больно, и я желалъ бы обманутся.

А „Воевода“ Островскаго меня привелъ въ умиленіе. Эдакимъ славнымъ, вкуснымъ, чистымъ Русскимъ языкомъ никто не писалъ до него. Послѣдній актъ (особенно гдѣ воевода бѣгаетъ за своей невѣстой, чтобы *защекотать ее на смерть*) плохъ; но 2-й и 3-й это совершенство! Какая мѣстами пахучая, какъ наша Русская роцца лѣтомъ, поэзія! Хоть бы въ удивительной сценѣ „Домоваго“! Ахъ, мастеръ, мастеръ этотъ бородачъ: ему и книги въ руки. Вотъ ужъ у него нѣтъ „изысканія мелкой букашки“ „de la petite bête“, какъ говорятъ Французы. Сильно онъ расшевелилъ во мнѣ литературную жилу.

Я не „обхожу“ Каткова, какъ вы говорите, хотя лично его не долюбиваю; но моя мошна пуста, послѣднія крохи я изъ нея вытрясъ, чтò тутъ будешь дѣлать? Неизвѣстно, чтò впередъ будетъ, а пока я могу только смотрѣть, какъ дѣйствуютъ другіе.

Съ первыми красными днями я направляюсь въ Новоселки и въ Степановку. Поклонитесь отъ меня владѣльцу сей послѣдней и скажите ему, что я жажду увидѣть его изсизе-бурый носъ, услышать его очаровательно мычащую рѣчь. Поклонитесь такъ же вашему поэту Петѣ и примите отъ меня самое дружеское рукожатіе.

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277.

5-го (17-го) Августа 1865.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, сейчасъ я возвратился изъ небольшого путешествія во Францію, къ моей дочери, которая живетъ теперь съ своимъ мужемъ на его стекляномъ заводѣ, и нашолъ здѣсь ваше любезное письмо отъ 25-го Іюля. Письмо отъ васъ, вы это знаете, доставляетъ мнѣ всегда особенное удовольствіе, а потому спѣшу отвѣчать. Прежде всего прошу васъ передать Петѣ слѣдующее стихотвореніе, сочиненное мною въ отвѣтъ на его.

Ай да Петя! Молодецъ!
Хоть и малъ онъ какъ скворецъ,
За то умъ его орлиный,
Взглядъ же—просто соколиный!
Онъ одинъ лишь угадалъ,
Отчего я ускакалъ!

Дѣйствительно: я уѣхалъ въ Баденъ именно въ слѣдствіи письма, полученнаго мною во Мценскѣ въ самый день нашего знаменитаго путешествія отъ Фета; меня вызывали сюда, и я отправился. Предположеніе Толстаго опять таки „отзываетъ“ имъ: не такое же онъ мѣсто занимаетъ въ моихъ соображеніяхъ. Да мы бы вѣроятно и не встрѣтились; что же касается до его сестры, то мнѣ рѣшительно не изъ чего избѣгать ея. Желаю ему всего хорошаго съ его, по общимъ отзывамъ, милой женой; но едва ли онъ пересталъ мудрить. Въ самое то время, когда онъ по вашимъ словамъ спрашивалъ обо мнѣ съ участіемъ, онъ писалъ Фету, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе меня ненавидитъ. А потому и мнѣніе его о дядѣ немного доказываетъ: онъ гораздо больше хлопочетъ о собственныхъ впечатлѣніяхъ, чѣмъ о людяхъ, которые возбуждаютъ эти впечатлѣнія. Радуюсь тому, что онъ продолжаетъ работать и желаю, чтобы послѣдующія части романа были лучше первыхъ.

Дочь моя живетъ въ хорошенькомъ, новомъ домѣ; мѣстность кругомъ довольно живописная. Мужъ ее очень любитъ, а она его любитъ (она пятый мѣсяцъ уже беременна). Пока все идетъ хорошо, и впереди ничего не предвидится мрачнаго.

И здѣсь все идетъ недурно: домъ мой подвигается довольно шибко; сегодня мы должны были отправиться на охоту, но пошелъ дождь, и мы отложили нашу поѣздку до завтра. Вообще погода у насъ, въ противность тому, что вы пишете, свѣжая, почти холодная, что меня лично даже радуетъ, потому что я въ этомъ вижу нѣкоторую защиту противъ холеры, которая, какъ грозовая туча, заходитъ со всѣхъ пунктовъ горизонта и которой я боюсь, какъ вамъ извѣстно, до позора.

Вы, словно шутя, говорите о поѣздкѣ Фета за границу; а я серьезно думаю, что ему нужно встряхнуться, а то онъ непременно окиснетъ и погрязнетъ въ какомъ-то, если можно такъ выразиться, вяломъ ожесточеніи. Съ будущаго Октября мой домъ будетъ открытъ для всѣхъ добрыхъ пріятелей. Имѣйя уши, да слышать!

Вы пишете объ отъѣздѣ Боткина; но вы не извѣщаете о томъ, куда сей старецъ направилъ свой полетъ. Ужъ не къ намъ ли? А мнѣ все кажется, что надуетъ онъ бѣдняковъ Фетовъ и ничего не оставитъ имъ въ своемъ, столь многократно переписанномъ, завѣщаніи*).

Обнимите за меня Петю (помните онъ золотой замкъ на амбарѣ?).

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277.
7-го Сентября (26-го Августа) 1866.

Въ Германіи совершилось замиреніе полное, и если нашъ сосѣдь не затѣетъ какой-нибудь катавасіи, ничто не помѣшаетъ Пруссіи преспокойно забрать себѣ въ карманъ всю Сѣверную Германію; да и то, говорятъ, вниманіе сосѣда устремлено болѣе теперь на Восточныя дѣла. Въ Баденѣ же было всегда нарочито тихо, а теперь шумятъ однѣ кринолины Парижскихъ лоретокъ.

Охота началась, но къ сожалѣнію, погода стоитъ прескверная, холодъ и дожди, и куропатокъ въ нынѣшнемъ году уродилось мало; къ тому же я прихворнулъ и съ недѣлю вылежалъ дома. Со всѣмъ тѣмъ я уже убилъ около 85 штукъ дичи. Песъ у меня все тотъ же удивительный Пегазь, который даже въ печать попалъ, и ружье такое, что, какъ говорится, что въ ротъ, то спасибо. Все стало быть въ исправности; одно скверно: денегъ присылается мало, да такъ мало, что коренныя преобразованія становятся очевидно необходимы; для приведенія ихъ въ дѣйство, по мѣрѣ силъ, я пріѣзжаю въ Спасское весною, въ первыхъ числахъ Апрѣля, и останусь тамъ сколько будетъ нужно. Но объ этомъ еще рѣчь впереди.

*) А. А. Фетъ былъ женатъ на сестрѣ В. П. Боткина.

Фетушкѣ я написалъ на дняхъ только въ Степановку. Ахъ зачѣмъ онъ это по временамъ помѣщаетъ такіе слабосильные стишки въ Русскомъ Вѣстникѣ, которые только напоминаютъ прежніе соловьиные звуки? Точно человѣкъ накушался фіалокъ и испускаетъ потомъ безсильныя отрыжки. Но вы еще благополучны: вы не получаете Отечественныхъ Записокъ, а я страдаю этимъ несчастіемъ; тамъ есть переводъ безобразныхъ „Труженниковъ моря“ господина Гюго... О! О! О!... И Петербургскія Трущобы г-на Крестовскаго. У... У... У!

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277.

12-го Окт. (30-го Сент.) 1866. Пятница.

Послѣ отвратительнѣйшей, два мѣсяца продолжавшейся, погоды, у насъ проскочило нѣсколько осеннихъ дней; но чтобы мы не слишкомъ радовались, отъявилась она, т. е. холера, и хотя въ самый Баденъ еще не заглянула, но уже свирѣпствуетъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ, въ Раштатѣ, а сюда выслала своего обычнаго курьера: понось. Чтò дѣлать! Мы покоряемся необходимости, запасаемся мятой, Тильмановскими каплями, прислушиваемся къ бурчанью нашихъ утробъ и ѣдимъ съ величайшей вѣжливостью, такъ только въ проголодь. Охота однако продолжается, и хотя у насъ нѣтъ тѣхъ баснословныхъ массъ вальдшнеповъ и куропатокъ, о которыхъ между прочимъ пишетъ и дядя, однако все таки я до сихъ поръ съ грѣхомъ пополамъ убилъ 150 штукъ слишкомъ. И работа моя подвигается, такъ какъ я обѣщалъ доставить ее Каткову къ концу Января, тутъ уже мѣшкать и хвостомъ вилять нельзя. Планъ мой слѣдующій: въ Февралѣ и Мартѣ я въ Петербургѣ и Москвѣ, а Апрѣль провожу въ Спасскомъ, и конечно буду васъ видѣть чуть не ежедневно. Пребываніе мое въ Спасскомъ будетъ сопряжено съ нѣкоторыми неприятностями: мнѣ невозможно болѣе оставить мое имѣніе на рукахъ дяди, въ честности котораго я не сомнѣваюсь ни одной секунды, но который состарѣлся, потерялъ всякую энергію и даетъ себя и меня грабить. Доходы съ моего имѣнія сдѣлались ничтожными (вы можете пробѣжать прилагаемое письмо къ Фету, которое я, по незнанію его теперешняго мѣстопробыванія, посылаю черезъ васъ). Эдакъ продолжать дѣло нельзя. Я, кажется, нашолъ дѣльнаго человѣка; во всякомъ случаѣ я явлюсь въ Спасское не иначе какъ съ новымъ управляющимъ, и между прочимъ заранѣе разсчитываю на ваши добрые совѣты и содѣйствіе.

Если вамъ въ руки попадутся „Отечественныя Записки“ (весьма впрочемъ плохой журналъ), то прочтите тамъ статью подъ заглавіемъ Кузя Мордовскій богъ. Ужасно любопытно и поучительно, хотя авторъ

напрасно все разжидилъ и разсыропилъ. А „Преступленіе и Наказаніе“ Достоевскаго я отказался читать: это что-то въ родѣ продолжительной колики; въ холерное время помилуй Богъ!

*

Четвергъ 3-го (15-го) Февр. (1867)

Представьте, что я въ теченіи этихъ шести недѣль не выходилъ изъ комнаты, двигался не иначе какъ съ помощью костыля, а съ недѣлю тому назадъ опять слегъ и теперь пишу вамъ въ постели, и все это по милости подагры, да не обыкновенной, а какой-то атонической, т. е. хронической, которая поразила мою лѣвую ногу и превратила меня въ неподвижный чурбанъ. Вотъ вамъ я и у праздника! Всѣ мои предположенія рухнули, и впередъ я никакихъ плановъ не могу дѣлать: докторъ мнѣ объявилъ, что онъ не можетъ мнѣ назначить время, когда я буду въ состояніи предпринять путешествіе. А романъ давно конченъ, переписанъ, перечтенъ и выправленъ нѣсколько разъ; а дѣла мои въ Спасскомъ и по имѣнію требуютъ самымъ настоятельнымъ образомъ моего немедленнаго присутствія, такъ какъ дядя внезапно потерялъ голову и пишетъ мнѣ самыя отчаянныя и оскорбительныя письма, а все отъ того, что я рѣшился наконецъ взять новаго управляющаго, который хотя бы нѣсколько улучшилъ мои доходы.... Вы легко можете себѣ представить, какъ мнѣ теперь весело....

*

Москва. Въ домѣ, Удѣльной Конторы, на Пречистенскомъ бульварѣ, у И. И. Маслова.

Четвергъ 16-го Марта 1867.

Вамъ уже вѣроятно извѣстна невзгода, которая стряслась надо мною, а именно: болѣзнь, которая схватила меня въ Серпуховѣ и заставила черезъ силу вернуться въ Москву, а тѣмъ самымъ отдалила наше свиданіе. Здоровье мое однако скоро поправилось, и сегодня я въ первый разъ попытаюсь выѣхать. Но встрѣчается новое препятствіе: мнѣ принесли сегодня первую корректуру моей повѣсти въ Русскомъ Вѣстникѣ, и теперь уже я не могу пошевелиться отсюда, пока она не будетъ набрана т. е. въ теченіи десяти дней по малой мѣрѣ. А черезъ десять дней, кто знаетъ, какая будетъ ѣзда по нашимъ дорогамъ, и не наступитъ ли тогда то ужасное время, когда ни пройти ни проѣхать, ни на полозьяхъ, ни на колесахъ. Однако надо будетъ, хоть тресни да полѣзай: безъ меня дядя никакъ не захочетъ сдать имѣніе, и письмами ничего тутъ не подѣлаешь.

По отчету дяди я въ 11 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ получилъ 127,371 руб. съ копейками. Изъ нихъ капитальной суммы (выкупныхъ денегъ, за

продажу лѣсовъ и т. д.) 63.564 руб. Изъ доходныхъ денегъ я слѣдовательно получилъ 63,807 руб., т. е. около 5500 руб. сер. въ годъ. *Оброчныхъ* суммъ съ оброчныхъ имѣній поступаетъ въ годъ 5756 р., платежа въ Опекунской Совѣтъ—на 3409 р.; остается слѣд. въ пользу владѣльца 2347 р. Если прибавить къ этой суммѣ деньги за аренды, мельницы и т. д., то приблизительно получится вся сумма моего годового дохода—5500 р. и окажется, что лучшія мои имѣнія, Спасское, Танки и др., находящіяся на издѣліи, не приносятъ мнѣ буквально ни копейки. Покажите этотъ результатикъ Фету, который въ письмѣ къ Боткину говоритъ, что, отказывая дядѣ, я „осатанѣлъ“. Согласился ли бы онъ съ 5500 десятинъ свободной земли получать 5500 р. дохода?

*

Москва. Въ домѣ Удѣльной Конторы, на Пречистенскомъ бульварѣ.
Вторникъ, 21-го Марта 67.

Особенно скверная звѣзда преслѣдуетъ меня съ самаго начала нынѣшняго года. Наканунѣ перваго Января заболѣла у меня нога какой-то сложной ревматической подагрой, 6 недѣль я пролежалъ, долженъ былъ опоздать выѣздомъ, притащился наконецъ сюда, и въ самый день моего отъѣзда въ Спасское схваченъ былъ сильнѣйшимъ гриппомъ въ Серпуховѣ, полуживой прибылъ назадъ въ Москву, а теперь дороги стали непроѣзжія, и нога, какъ нарочно, снова такъ жестоко разболѣлась, что пожалуй придется опять слечь. Къ тому же подошли невеселыя вѣсти изъ Бадена. Гдѣ ужъ мнѣ тутъ думать о поѣздкѣ въ деревню; дай Богъ по добру по здорову по желѣзнымъ дорогамъ вернуться въ Баденъ. Я объ этомъ сегодня же пишу къ дядѣ, который вѣроятно придетъ въ большое волненіе и огорчится, но вѣдь собственно мое присутствіе нечего бы не измѣнило. Управляющій мой, Никита Алексѣевичъ Кишинскій, который находится теперь въ Спасскомъ, имѣетъ отъ меня инструкцію принять управленіе, не требуя никакихъ отчетовъ и не входя ни въ какія разбирательства; а судьба дяди и его дѣтей мною обезпечена, и жить онъ можетъ въ Спасскомъ, пока найдеть удобнымъ и не спѣша переселиться къ себѣ. Оставаться долѣе при 5500 р. сер. годового дохода отъ 5500 десятинъ я не нашолъ возможнымъ, и вотъ вся причина этой перемѣны. Рѣшаюсь обратиться къ вамъ, добрѣйшій Иванъ Петровичъ; въ вашемъ характерѣ столько деликатности и мягкости, дядя мой питаетъ къ вамъ такое уваженіе, что, въ случаѣ какихъ-либо затрудненій, ваше слово принесло бы великую пользу. Помогите старику взглянуть на все это дѣло прямыми глазами, а то онъ мнѣ такія письма пишетъ, что я прихожу въ тупикъ. Мнѣ ужасно непріятно, что я въ Спасское не попалъ и не попаду, но что же дѣлать! Ей Богу, мнѣ невозможно ѣхать.

Романъ мой печатается, а выдетъ въ Мартовской книжкѣ Русскаго Вѣстника. Посмотримъ, какое онъ на васъ произведетъ впечатлѣніе, а трудился я надъ нимъ много.

*

Бадень-Бадень, Schillerstrasse, 7.

Пятница, 16-го (28-го) Іюня 67.

Я дней на десять отлучился въ Парижъ—выставку посмотрѣть.... отвѣтъ и замѣшкался. О выставкѣ скажу вамъ, что это вещь дивная, чудо изъ чудесъ, и нельзя не пожалѣть о томъ, кто ея не увидитъ. Все удивительно, и въ тоже время чрезвычайно занимательно и удобно устроено. Моя нога поправилась, и я могъ ходить безъ особенной усталости. Кстати жъ, я свидѣлся съ моею дочерью, которая нарочно для этого пріѣхала изъ своей провинціи.

Вамъ „Дымъ“ не нравится; да и по всему замѣтно, что онъ никому не понравился въ Россіи; но я такой закоренѣлый грѣшникъ, что не только не каюсь, но даже упорствую и къ отдѣльному изданію романа прибавлю предисловіе, въ которомъ еще сильнѣе буду доказывать необходимость намъ Русскимъ по прежнему учиться у Нѣмцевъ, какъ Нѣмцы учились у Римлянъ и т. д. Проклянуть ли меня на всѣхъ соборахъ, просто ли бросать въ лужу, это уже не моя печаль.

А дядя Н. Н. ловко со мной распорядился. Продолжая называть себя злополучнымъ старцемъ и страдальцемъ и указывая на свои опозоренныя сѣдины, онъ наложилъ запрещеніе на все мое имѣніе, основываясь на *безденежныхъ* векселяхъ, которые я ему далъ на случай моей смерти. Я не отказался отъ современной и постепенной уплаты этихъ векселей; но это уже изъ рукъ вонъ. Мнѣ остается одно: откупиться отъ „страдальца“, предложивъ ему одно изъ моихъ имѣній (Холодово), цѣнность котораго равняется, если не превосходитъ, суммѣ моего долга. Что-то скажетъ теперь Феть? Пожалуй онъ по прежнему будетъ утверждать, что я „осатанѣлъ“ и что по дѣломъ-моль дураку! А вѣдь недурной результатъ 11-ти лѣтняго управленія: дядя жилъ какъ баринъ, давалъ мнѣ *меньше* 5000 въ годъ, оставилъ имѣніе чуть не раззореннымъ, да зашибъ себѣ деревеньку съ домомъ и усадьбой въ 20,000 р. серебромъ. Этакъ хоть бы и не „злополучному страдальцу!“

Впрочемъ это все пустяки! Вотъ скоро подойдетъ охота, и опять заживу припѣваючи. Домъ мой оконченъ, но перейти въ него я не рѣшаюсь: нужны деньги на обзаведеніе, а для это надо сперва придти маленько въ себя послѣ тисковъ злополучнаго старца.

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 7.

Воскресенье, 6-го Окт. (24 Сент.) 1867.

Я занимаюсь сочиненіемъ оперетокъ на Французскомъ языкѣ, на которыя г-жа Віардо пишетъ прелестнѣйшую музыку. Особенно одна изъ нихъ подъ названіемъ „Послѣдній Колдунъ“ имѣла громаднѣйшій успѣхъ (король и королева Пруссіе были въ числѣ зрителей и т. д.) Представленія происходятъ въ моемъ новомъ домѣ, въ который я пока не могу перебраться по милости благодѣтельнаго дядюшки. А исполнителями дѣти и воспитанницы г-жи Віардо.

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 7.

Пятница, 1-го (13-го) Дек. 1867.

Посмотрѣлъ бы я на Фета съ мировой цѣпью на шеѣ! Отчего же вы не прислали его стиховъ на З.?* Я вамъ могу слово дать, что все останется въ тайнѣ.

Мы получаемъ здѣсь Московскія Вѣдомости и читаемъ очень прилежно; о Московско-Тульской дорогѣ уже вычиталъ тамъ статейку. Хоть не до Мценска, а до Тулы доѣдемъ спокойно въ будущемъ году, и то славу Богу! А Русскій Архивъ я и здѣсь изучаю всласть и совершенно понимаю ваше пристрастіе къ этому изданію.

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 7.

Вторникъ, 10-е Марта (27-е Февр.) 1868.

Я все еще нахожусь въ Баденѣ по милости болѣзни Віардо, которая только теперь начинаетъ терять свой опасный характеръ; мнѣ не хотѣлось уѣхать въ Парижъ до его выздоровленія и оставить все его семейство въ тревогѣ. Теперь я полагаю скоро съѣздить на свиданіе съ моей дочерью.

Я съ великимъ наслажденіемъ прочелъ романъ Толстаго, хотя многимъ не совсѣмъ остался доволенъ. Вся бытовая сторона (и военная) удивительна; есть тутъ вещи, которыя не умрутъ, пока будетъ существовать Русская рѣчь. Но вся историческая сторона—извините за выраженіе—кукольная комедія. Не говоря уже о томъ, что настоящаго воспроизведенія эпохи и помину нѣту; что мы узнаемъ объ Александрѣ, Сперанскомъ и пр. какъ только самыя молочи, капризно выбранныя авторомъ и возведенныя въ характерныя черты? Это своего рода шарлатанство: публика, которой съ такимъ эффектомъ подносятся эти „острые носки Александровскихъ сапоговъ“ и т. п., невольно должна

*) На кого это, не знаетъ. П. В.

подумать, что автору самыя личности должны быть у! какъ хорошо извѣстны, коли онъ даже мелочи такія знаетъ.... а автору вѣроятно только эти мелочи и знакомы. Прочтите очень умную (хотя, по обыкновенью, нѣсколько темноватую) статью Анненкова по поводу романа Толстаго въ Вѣстникѣ Европы. И настоящаго развитія характеровъ нѣтъ, всё они подвигаются впередъ прыжками, а за то есть бездна этой старой психологической возни („что-моль я думаю? что обо мнѣ думаютъ? люблю ли я или терпѣть не могу? и т. д.“), которая составляетъ положительно мономанію Толстаго. Но со всёми тѣмъ, въ этомъ романѣ столько красотъ первоклассныхъ, такая жизненность и правда и свѣжесть, что нельзя не сознаться, что съ появленія „Войны и Мира“ Толстой сталъ на первое мѣсто между всёми нашими современными писателями. Съ нетерпѣньемъ ожидаю четвертаго тома.

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 7.

18-го (6-го) Марта 1868.

Экую я ношу навалилъ на васъ, и какимъ нравственнымъ мученіямъ, какой душевной истомѣ подвергъ васъ! Повѣрьте мнѣ, что этой услуги я никогда не забуду. Ну! наконецъ раздѣлался я съ этимъ изломавшимся, фальшивымъ и дряннымъ патриархомъ-ростовщикомъ. Дорогонько мнѣ это стало, но я утѣшаюсь мыслью, что я могъ бы заплатить еще дороже, не будь вашего дружескаго вмѣшательства и вапей помощи. Воображаю себѣ всю сцену! За то есть черты превосходныя: блюдечко съ водой для счету ассигнацій и боязнь рака на на губѣ, это перлы въ своемъ родѣ. Выходить, что я не совсѣмъ въ накладѣ: я изъ моей передриги съ Ник. Ник. извлекъ ту выгоду, что имѣлъ случай изучить типъ степнаго, сѣдовласаго Тартюфа, которымъ, быть можетъ, цодѣлюсь съ читателями, для ихъ потѣхи и назиданія.

Вообразите вы себѣ: на этомъ мѣстѣ моего письма почталіонъ принесъ мнѣ письмо отъ моего дяденьки, посланное 27-го Февр. т. е. два дня спустя полученія имъ денегъ... и представьте мое изумленіе: не только объ этомъ не имѣется никакого упоминенія (чего, кажется, требовало бы самое простое чувство долга), но все письмо исполнено ругательствами, клеветами, ложью, самой наглою, наконецъ вызываньемъ тѣни моей матери, которая должна чуть не проклясть меня за то, что я „пустилъ по міру, раззорилъ и унетаю“ безвиннаго старца, всегда непоколебимаго въ чувствахъ чести и любви!! Тутъ же Кишинскій обозванъ *нигилистомъ*, и предсказывается мнѣ скорое раззореніе отъ этого злодѣя, который „отовсюду тащить деньги!!!“ (Какъ будто эти деньги не для его Ник. Николаевичей утробы были назначены!!) И

это все писано тою рукою, которая еще не успѣла *отдохнуть* и *высохнуть* отъ перелистыванія!!! ассигнацій. Вотъ, батюшка, гдѣ долженъ умъ за разумъ зайти. Если Ник. Ник. не рехнулся, то что же это за непроходимый—ужь я и слова не приберу!

Что касается до его *не* финансовыхъ угрозъ, то вы можете быть спокойны: это не имѣетъ никакого смысла и пущено было въ ходъ для ради надбавки.

Хотѣлось бы все это выплюнуть изо рту, какъ тухлое лекарство.

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

20-го (8-го) Апрѣля 1868.

Третьяго дня переѣхалъ я наконецъ въ мой (бывшій) домъ, любезный и дорогой Иванъ Петровичъ! Никогда я не былъ еще обставленъ такимъ комфортомъ.... такъ что даже совѣстно немножко и неловко, точно я молодая дама, только что получившая свое приданое. Впрочемъ къ этому легко привыкнутьъ. Три отличныя комнаты ждутъ пріятелей.... Нечего и говорить, что ни одинъ изъ нихъ не получилъ бы болѣе сердечнаго привѣта, чѣмъ вы.... Но гдѣ васъ дожидаться! И потому, такъ какъ гора не отправляется къ Магомету, то Магометъ отправится къ горѣ, а именно: я выѣзжаю отсюда непременно черезъ мѣсяцъ и на крыльяхъ.... на какихъ?—ну просто на крыльяхъ—лечу въ Спасское и „немедленно“ въ Новоселки. Очень, очень мнѣ хочется повидать васъ и потолковать съ вами; кстати же мое гнусное дѣло съ „старцемъ“ прекратилось, и мнѣ не будетъ уже никакой нужды лицедрѣть его. Надо, надо понюхать роднаго воздуха, чѣмъ бы онъ ни отзывался. Привезу вамъ ружье и патроны новаго фасону и хоть по перепеламъ постукаемъ.

Четвертый томъ Толстаго получилъ, но не успѣлъ еще прочесть: по отзывамъ журналовъ боюсь, что онъ вдался въ философію, и какъ это иногда съ нимъ водится, закусилъ удила и понесъ бить и лягать зря.

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

7-го (19-го) Мая 1868.

Дорогой Иванъ Петровичъ, хлопотъ у меня полонъ ротъ: ставлю у себя дома *третью* оперетку (текстъ мой, музыка—предестная! г-жи Віардо), въ двухъ актахъ. Я играю роль Людофда, каждый день репетиціи, дымъ коромысломъ! Тотъ-часъ послѣ представленія ѣду въ Россію, въ Москву раньше 1-го Іюня прибыть не могу, но и не позже; отлично было бы, еслибъ вы къ тому времени тоже пріѣхали въ Москву,

пожили бы вмѣстѣ и вмѣстѣ бы отправились въ деревню. Въ Москвѣ я, по обыкновенью, остановлюсь на Пречистенскомъ бульварѣ, въ домѣ Удѣльной Конторы у Ивана Ивановича Маслова.

*

Карлсруэ, 28-го (16-го) Ноября 1868.

Я ѣздилъ въ Парижъ, гдѣ провелъ дней десять; вернувшись оттуда, мнѣ пришлось переселяться въ Карлсруэ на зиму, отыскивать квартиру, которая до сихъ поръ не найдена и т. д. Поселяюсь же я въ Карлсруэ потому, что Віардо сюда переѣхали для воспитанія своихъ дѣтей, а мнѣ безъ нихъ было бы въ Баденѣ просто жутко.

Последнюю мою повѣсть я отправилъ къ П. В. Анненкову и уже получилъ отъ него одобрителный отзывъ. Посмотримъ, что скажетъ публика. Не знаю, съ какой стати распространился слухъ, будто я въ этой повѣсти нападаю на Славянофиловъ: ничего подобнаго въ ней нѣтъ. Это просто передача трагической судьбы одной дѣвушки, которая промелькнула мимо меня во время моей молодости. Но кстати о Славянофилахъ: какъ вы вѣрно характеризовали манеру И. С. Аксакова; я невольно разсмѣялся: именно скрипнуть перо!

Фіаско Кишинскаго на счетъ продажи сочиненій Успенскаго есть фактъ бьющій меня по карману; и въ тоже время этотъ фактъ знаменателенъ, какъ указатель, куда повернуло общественное мнѣніе. Россія дѣйствительно—не та, что была десять лѣтъ тому назадъ, и на нашемъ вѣку такого крутаго перелома еще не было. Быстрота, съ которой вылетаютъ на поверхность громадныя, чуть не въ годъ составленныя богатства—изумительна: я знаю дурачковъ (да круглыхъ!), которые по милости кстати выпрошенныхъ концессій вдругъ нажили милліоны! А тутъ совѣсть тебя разбираетъ братъ за печатный листъ, надъ которымъ корпѣлъ мѣсяцы—400 р. сер. Худая нажива литература!

Вы мнѣ ничего не пишете о 5-мъ томѣ „Войны и Мира“; неужели онъ еще не вышелъ? И что дѣлаетъ авторъ?

Я получилъ длинное, весьма нескладное, обвинительное письмо противъ Кишинскаго, въ которомъ меня стараются увѣрить, что онъ крадетъ у меня тысячи и т. д. Я ему послалъ копію, не выдавъ только подписаннаго имени. Я убѣжденъ, что это клевета; однако, если, будучи на мѣстѣ, вы бы захотѣли прикинуть вашимъ чуткимъ ухомъ, вы бы навѣрное узнали правду. Скажите мнѣ ее тогда.

Карлсруэ—совершенный монастырь. Тишина такая на улицахъ, что даже почтительное чувство навѣвается. Надо будетъ работать, а

работы предстоитъ пропасть въ эти три мѣсяца. Кстати, будьте такъ добры, сходите къ Салаеву и скажите ему, что портретъ заказанъ у перваго Парижскаго гравера, Э. Гедуина (E. Hédouin) и что „Воспоминанія“ приводятся къ окончанію. Выпустилъ ли онъ въ свѣтъ первые томы новаго изданія?

*

Карлсруэ, Hôtel Prinz Max.

Воскресеніе 24-го (12-го) Янв. 67.

Въ Январской книжкѣ Русскаго Вѣстника прочтете вы мою повѣсть; не знаю, какъ она понравится. Работа надъ „Воспоминаніями“ идетъ медленно; полагаю, что съ окончаніемъ охоты, которое предстоитъ 1-го Февр. дѣло пойдетъ живѣе. Я былъ на одной великогерцогской кабаньей охотѣ и убилъ одного кабана, а стрѣлялъ по шести; ужасно живучи бѣстїи: упадаетъ послѣ выстрѣла—смотришь: поднялся. Вы на Кавказѣ имѣли ли случай по нимъ стрѣлять? Зайцовъ убито мною очень много; другой дичи тоже порядочно. Песъ у меня все тотъ же знаменитый Пегазь: жаль—онъ окривѣлъ на одинъ глазъ.

Въ 1-мъ №-ѣ Вѣстника Европы прочелъ я начало новаго романа Гончарова и остался имъ весьма недоволенъ: многословіе невыносимое, старческое, и ужасно много условной рутинны, резонерства, реторики. Должно признаться, что послѣ *правды* Л. Н. Толстаго, вся эта старенькая, чиновничья литература очень отдаетъ фальшью, да какой-то кислой напріятной фальшью. Только хороши сцены въ деревнѣ да въ уѣздномъ городѣ, а противнѣе г-жи Бѣловодовой я ничего не знаю: какой-то начальникъ отдѣленія неокладныхъ сборовъ въ юбкѣ. А можетъ быть вамъ это все покажется въ иномъ свѣтѣ, даже понравится. Пожалуйста не церемоньтесь высказать свое мнѣніе, которое всегда исполнено здраваго живаго смысла.

Въ Архивъ я непременно пошлю статейку и непременно даромъ, вѣроятно о Плетневѣ. Но когда, вотъ вопросъ, еще мнѣ самому неясный.

Радуется меня такъ же то, что вы пишете о Петѣ и въ чемъ я никогда не сомнѣвался. Здоровье его беречь надо, и особенно лѣтомъ, на вакаціи, надо чтобы онъ купался, ѣлъ ягоды, бѣгалъ, и ни одной книжки въ руки не бралъ.

*

Карлсруэ, Hôtel Prinz Max. Середа, 24-го (12-го) Февр. 69.

И такъ вы вернулись въ деревню, любезнѣйшій мой Иванъ Петровичъ, и чай, сидите теперь окруженные со всѣхъ сторонъ зажорами, разлившимися рѣками, „взыгравшими оврагами“ и т. д. Но по край-

ней мѣръ желѣзная дорога существуетъ, и Петю вы оставили здоровымъ въ Москвѣ: ужь это большой камень съ сердца долой. У насъ здѣсь совсѣмъ зимы не было, и вѣроятно такъ и не будетъ; я на дняхъ ѣздилъ въ Бадень: на всѣхъ деревьяхъ почки распустились, на иныхъ уже зеленые листья и не въ копейку, а въ рубль серебромъ, въ тотъ рубль, который теперь сталъ невидимкой у насъ въ Россіи, развѣ вотъ въ Моршанскѣ, у скопцовъ, онъ отыщется. Съ 1-го Февр. по здѣшнему стилю прекратились мои охотническія походы; я въ тотъ день для завершения „блезира“ убилъ 13 зайцевъ и 2-хъ куропатокъ. Повѣсивъ ружье на гвоздь, я принялся работать (надо было вернуть потерянное время, Салаевъ уже начиналъ приходить въ отчаяніе); третьяго дня отправилъ къ Анненкову большой отрывокъ изъ своихъ Воспоминаній (о Бѣлинскомъ; онъ появится въ Мартовской книжкѣ Вѣстника Европы), а теперь засѣлъ надъ вторымъ, предметомъ котораго будутъ Аксаковъ и Славянофилы. Повѣсть моя уже напечатана въ 1-мъ №-ѣ Русскаго Вѣстника. Очень она уже вышла мрачная; посмотримъ что скажете вы, и что скажетъ строгій Фетъ. Уже давно онъ ничѣмъ моимъ не доволенъ; смилуется ли теперь? Очень радуюсь извѣстію о скоромъ выходѣ 5-го тома „Войны и Мира“; при всѣхъ своихъ слабостяхъ и чудачествахъ, при всемъ даже своемъ враньѣ, Толстой настоящей гигантъ между остальной литературной братьей и производитъ на меня впечатлѣніе слона въ звѣринцѣ: нескладно, даже нелѣпо, но огромно, и какъ умно! Дай Богъ написать ему еще двадцать томовъ! Процвѣтаніе Лонгинова менѣе меня радуетъ: онъ и хорошій мой пріятель и добрый малый, а направленіе его скверное, вредное; развѣ однимъ можно утѣшиться: хоть и губернаторъ онъ, а безсиленъ.

Ваши замѣчанія на счетъ Кишинскаго вѣрны; и я бы очень вамъ былъ благодаренъ, еслибъ вы при свиданіи съ нимъ намекнули ему о „вредѣ рвенія“ какъ выражался Талейранъ. Но перенести хозяйство изъ Спасскаго въ Петровское было необходимо во 1-хъ по расположенію земли (Спасское приходится на самомъ краю), а во вторыхъ потому что въ Спасскомъ уже все развалилось. Почтенный мой дядюшка ни одного новаго сруба не поставилъ. Да вотъ весной мы, Богъ дастъ, обо всемъ этомъ потолкуемъ фундаментально. Кстати, не забудьте извѣстить меня: ходитъ ли желѣзная дорога теперь прямо изъ Динабурга черезъ Витебскъ, Смоленскъ, Рославль въ Орель или еще какой-нибудь клочекъ не оконченъ? Я бы, въ случаѣ ея полнаго открытія прикатилъ бы къ вамъ прямо, минуя Петербургъ и Москву.

Я здѣсь пробуду до Апрѣля, а 8-го числа Апрѣля буду вѣроятно (на дорогѣ въ Россію) въ Веймарѣ: тамошній великій герцогъ хочетъ

ставить на театрѣ мою оперетку: „Послѣдній Колдунъ“, къ которой г-жа Віардо написала такую прелестную музыку.

Пегазь благодарить васъ за ласковое слово; онъ—увы! совершенно окривѣлъ, но все еще превосходнѣйшій изъ превосходнѣйшихъ псовъ!

*

Карлеруэ, Hôtel Prinz Max. Середа, 24-го (12-го) Марта 69.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, наканунѣ моего отъѣзда въ Парижъ (на недѣлю, по дѣламъ) пишу вамъ отвѣтъ на ваши два письма (одно изъ нихъ получено сегодня утромъ). Больше всего и прежде всего меня радуеть то, что вы мнѣ говорите о Петѣ и о Лицеѣ: и птичка хороша, и клѣтка отличная, такъ что ваше отеческое сердце должно радоваться, и возвращеніе на берега Зуши не такъ тяжело. Еще нѣсколько недѣль—а тамъ наступятъ ваканціи.... Но передъ ваканціями я буду имѣть, удовольствіе васъ видѣть. Постараюсь теперь же какъ можно точнѣе опредѣлить день моего прибытія въ Спасское. Отсюда я выѣзжаю и непремѣнно и безотлагательно 22-го (10-го) Мая, на другой день послѣ дня рожденія второй дочери г-жи Віардо, Клавдіи, которой исполнится 17 лѣтъ и которую я такъ же глубоко люблю какъ вы любите вашего Петю, хотя она мнѣ и не дочь. (Кстати, видѣли ли вы ея фотографію, которую я послалъ Фету? Если нѣтъ, я вамъ могу прислать такую же. Эта дѣвушка, совершенная прелесть, и способности къ рисованію и живописи изумительныя!) Въ Петербургѣ я остановлюсь на два дня, чтобы съ старикомъ Анненковымъ стариной тряхнуть, въ Москвѣ придется пожить съ недѣлю, такъ что къ 25-му Мая (самый послѣдній срокъ), я непремѣнно, если только что-нибудь со мной не случится, въ Спасскомъ и въ Новоселкахъ. На это вы можете рассчитывать *вѣрно*, на сколько существуетъ въ человѣческихъ дѣлахъ вѣрность. Мнѣ и говорить нечего, какъ я радъ буду васъ видѣть: это вы сами хорошó знаете.

V-го тома „Войны и Мира“ я еще не получалъ; но, судя по походящимъ отзывамъ, нашъ геніальный чудакъ совсѣмъ закусилъ удила. Можно ли, изъ вражды къ философіи и фразамъ, втемяшиться въ такую философію и фразу! То, что всякому мужику понятно какъ польза хлѣба, а именно польза человѣческаго ума, разсудка, то-то и нужно искоренить!! То-то и есть чепуха! И нужно же, чтобы эдакая ерунда залѣзла въ голову *самаю даровитаю* писателя во всей современной Европейской литературѣ! Но я заранѣе умилился передъ тѣми прелестями, которыми непремѣнно изобилуетъ этотъ V-й томъ.

Какъ это Фетъ до сихъ поръ не опровергъ печатно взводимой на него клеветы! Этого нельзя такъ оставлять.

Салаевъ былъ давно извѣщенъ мною, что одинъ экземпляръ новаго изданія назначенъ вамъ; но я напишу ему, чтобы онъ вамъ выслалъ теперь же вышедшіе томы, не дожидаясь остальныхъ. И онъ, такъ же какъ вы, доволенъ портретомъ.

Кстати вотъ вамъ портретъ моего Пегаса. Только онъ видъ являетъ печальный и неловкій, такъ какъ его взгромоздили на маленькій и въ добавокъ шаткій столъ. Къ тому же и желтыя брови и щеки не вышли (въ фотографіи желтое является чернымъ), но неправда ли, что за умная голова?

Глухота Кишинскаго меня беспокоитъ. Хотя меня увѣряли здѣсь опытные доктора, что глухота внезапная послѣ простуды *всегда* проходитъ, ну а какъ она останется? Какъ онъ будетъ управлять и распоряжаться?

Я отъ Боткина получилъ (разумѣется, продиктованное) письмо; очень онъ плохъ, и можетъ въ этомъ состояніи пробыть долгіе годы. Я знаю въ Баденѣ одну даму, у которой точно такая же болѣзнь: она *двадцатый* годъ лежитъ, какъ пласть, въ постели. Избави Боже всякаго!

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

Понедѣльникъ, 26-го 14-го Апр. 69.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, вотъ я и вернулся въ свое гнѣздышко, послѣ тѣхъ *скидокъ*, о которыхъ вы говорите въ своемъ послѣднемъ письмѣ и, упорно работая, чтобы предстать съ спокойнымъ духомъ передъ свѣтлыя очи Салаева, готовлюсь черезъ мѣсяць шмыгнуть въ Московію, а тамъ на берега Зуши и на террасу знакомаго дома, гдѣ буду сидѣть съ любезнымъ сердцу моему хозяиномъ.

Въ Веймарѣ все сошло благополучно; успѣхъ былъ несомнѣнный. Что музыка г-жи Віардо прелестна, въ этомъ я и прежде не сомнѣвался; но я могъ бояться, какъ бы мое либретто не показалось слишкомъ дѣтскимъ, наивнымъ; однако ничего. Публика очевидно забавлялась и интересовалась. Впрочемъ я это все подробно рассказалъ въ письмѣ къ П. В. Анненкову, которое будетъ напечатано въ С. П.-бургскихъ Вѣдомостяхъ и къ которому я васъ отсылаю.

Прилагаю вамъ фотографію милой моей дѣвочки..... Впрочемъ ей уже скоро минетъ 17 лѣтъ! (Кстати, ее зовутъ Клавдію, а не Маріанной, какъ полагаетъ Фетъ; Маріанна—имя другой сестры). Когда Петя подростетъ и не утратитъ своей охоты къ живописи, то, разумѣется, его надо будетъ сюда прислать въ Европу; пожалуй, и батюшка

его за нимъ поскачеть. Но пока пусть онъ растетъ, здоровѣеть, учится, а вы не мучьтесь и не тревожьтесь понапрасну, а напротивъ радуйтесь тому, что онъ въ хорошихъ рукахъ и на хорошей дорогѣ.

То что вы говорите объ „Обрывѣ“ совершенно справедливо. Вотъ наконецъ вышла и 4-ая часть съ страстными и патетическими сценами.... Но что за безжалостная болтовня, что за неистощимыя и плоскія разсужденія, размышленія... Какъ можно такъ старательно самому все портить? И что за фигура этотъ соблазнитель, Маркъ Волоховъ? Почему этотъ свинопасъ (другаго слова придумать нельзя), увлекаетъ Вѣру? Гдѣ сила, красота, умъ наконецъ? Только и виденъ авторъ, вертящійся въ потѣ лица.... Но многимъ эта работа понравится.

Мнѣ обѣщались выслать 5-й томъ „Войны и Мира“, и до сихъ поръ ничего. Мнѣ это очень досадно. Толстой и бѣситъ, и тѣшитъ; настоящій человѣкъ, хоть и сумазбродъ.

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

Суббота, 24-го Мая (5-го Юня) 69.

Милый Иванъ Петровичъ, я никакъ не ожидалъ, что объ эту пору я буду еще здѣсь, а теперь вышло такое обстоятельство, что я даже не знаю, буду ли я въ состояніи съѣздить въ Россію. А именно: дней пять тому назадъ, я лежа въ постели и читая книжку, почувствовалъ внезапный толчокъ, въ слѣдствіе котораго у меня лѣвая рука минутъ на пять совершенно отнялась; и хотя послѣ усиленнаго разтиранія правой рукою она пришла въ чувство, но сердце заняло и боль въ немъ не прекращается до сихъ поръ. Я рѣшилъ призвать доктора, который, осмотрѣвъ меня тщательно, объявилъ мнѣ, что у меня сердце не въ порядкѣ, какая-то въ немъ появилась подагрическая припухлость и результатомъ этого невеселаго открытія то, что я долженъ натирать грудь іодомъ, принимать внутрь digitalis, не ѣсть мяса, не пить вина, не знаться съ прекраснымъ поломъ, ходить очень мало и никакихъ сильныхъ ощущеній себѣ не позволять. Когда же я заикнулся о путешествіи, то докторъ мнѣ объявилъ, что раньше 6 недѣль объ этомъ и думать нечего. Я, признаюсь, повѣсилъ носъ; въ Россію мнѣ очень хотѣлось, да и нужно тамъ мнѣ быть; а болѣзнь въ сердцѣ, неприятный сюрпризъ въ 50 лѣтъ. Вотъ какъ лопаются наши мыльные пузыри?

Читаю теперь пятую часть Войны и Мира и попеременно то сержусь, то восхищаюсь. Отсутствие свободнаго возрѣнія, настоящей художнической свободы производитъ тягостное впечатлѣніе въ такомъ

великомъ талантѣ. Гончарова я едва осилилъ; нѣтъ, что ни говори тамъ г-да Сухотины и Свербеевы, это пустяки и даже хуже пустяковъ. Мелкія, тонко выработанныя подробности не выкупаютъ лжи и фальши и скуки цѣлаго.

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

Среда, 30-го (18-го Іюня) 69.

Вчера я ѣздилъ въ Гейдельбергъ, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, къ извѣстному тамошнему врачу Фридрейху, и привезъ оттуда извѣстія неутѣшительныя. Онъ подтвердилъ мнѣніе здѣшняго врача: у меня болѣзнь сердца, и я долженъ избѣгать всякой усталости, а потому *навсегда* разстаться съ охотой! Можете себѣ представить, какъ на меня подѣйствовали эти слова.... Я только это и любилъ. Въ противномъ случаѣ Фридрейхъ грозитъ мнѣ участію Панаева, т. е. внезапнымъ переселеніемъ *туда*. У Панаева болѣзнь сердца открылась такъ же неожиданно и поздно. Остается—беречь себя; дѣло полезное, но невеселое. Вотъ чѣмъ разрѣшился мой жизненный кадрильчикъ. Впрочемъ, могло бы быть хуже: я могъ бы ослѣпнуть. Ну будемъ беречь себя и не будемъ говорить объ этомъ.

Отъ поѣздки въ Россію я принужденъ окончательно отказаться, и это тоже для меня горе немалое. Повидаться, побесѣдовать съ вами—это для меня лакомство. Я чувствую, что вы меня любите, и хотя у меня есть въ Россіи и другіе добрые пріятели, но все съ отгѣнкомъ эгоизма, котораго у васъ и слѣда нѣтъ. Даже Анненковъ не утерпѣлъ и съ одной стороны побранилъ меня за мою болѣзнь, а съ другой показалъ видъ, что не совѣмъ ей вѣритъ. Какъ будто такого рода сочинительства кому-нибудь могутъ доставить удовольствіе! Вы мнѣ пишете, чтобы я не унывалъ, и я стараюсь бодриться, но чувствую, что меня охватилъ туманъ, какъ у насъ, лѣтомъ, тотчасъ по захожденіи солнца, на днѣ овраговъ; помните—ложится молочно-бѣловатый стюдень, и какъ хочется поскорѣй изъ него выскочить! А тутъ и другаго берега не видно.

Какіе во мнѣ литературные замыслы бродили (правда, они сильны не были) и тѣ замерли. Съ „Литературными Воспоминаніями“ все еще не справился. Читали ли вы мой отрывокъ о Бѣлинскомъ въ Вѣстникѣ Европы, и понравился ли онъ вамъ? Очень я былъ остороженъ, а все таки меня уже ругали за него.

Я радуюсь за Фета, что онъ не забракованъ своими соуздниками. Поклонитесь ему и сообщите мое сожалѣніе о томъ, что не удастся мнѣ его увидѣть и поспорить съ нимъ. Теперь, кто желаетъ меня

видѣть, милости просимъ въ мой Баденскій домъ, и не надо слишкомъ мѣшкать: а то, пожалуй, въ Баденъ-то я буду, но уже на горѣ Меркурія, гдѣ покоятся отъ житейскихъ тревоженій.

Послѣднюю часть „Обрыва“ все еще не могъ осилить, а „Войну и Миръ“ перечитываю съ тою же смѣсью противоположныхъ чувствъ. Чтò хорошо въ этомъ романѣ, то удивительно; а чтò плохо или слабо или съ претензіей, все таки не скучно и даже въ извѣстномъ смыслѣ интересно, какъ уродничаніе гениальнаго человѣка.

Будьте такъ любезны и имѣйте одно ваше око изрѣдка направленнымъ на Спасское и на Кишинскаго. Я до сихъ поръ не могу на него жаловаться, но все же не худо имѣть нѣкоторый контроль.

Петю поцѣлуйте за меня и скажите ему, что школьныя тревоженія (даже поколачиванья) развиваютъ геройскій духъ и самостоятельность. Зри Англичанъ.

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

Среда 11-го Августа (30-го Іюля).

Не знаю, писалъ ли я вамъ, что я недѣли три тому назадъ снова подвергся подагрическому припадку: на бѣднаго Макара всѣ шишки валяются! И на этотъ разъ онъ былъ ужасно силенъ... Первую ночь я право думалъ, что съ ума сойду. Докторъ утѣшилъ меня увѣреніемъ, что чѣмъ сильнѣе припадокъ, тѣмъ кратковременнѣе, и дѣйствительно— вотъ уже третій день какъ я опять надѣлъ сапогъ, а прежде раньше двухъ мѣсяцевъ я этого сдѣлать не могъ. Но объ охотѣ все еще и помину нѣту. Пока жары не спадаютъ, всякое сильное движеніе можетъ, по увѣренію докторовъ, повредить моему сердцу.

Очень смѣялся я описанію вашего юмористическаго путешествія къ графу А. Толстому. Повѣрьте, душа моя, охота въ Россіи стала миеомъ: отъ одного берега мы отстали, къ другому не пристали; цивилизованной охоты у насъ еще нѣтъ, а натуральная уже исчезла. Вотъ если Феть или вы когда нибудь пожалуете ко мнѣ въ Баденъ на охоту, то я вамъ не гадательно, а навѣрное могу сказать, сколько дичи вы убьете: куропатокъ отъ 8 до 15; зайцевъ—10 или 12; фазановъ—1 или 2; *можетъ* быть! дикую козу, перепелки двѣ или три и одного бекаса. Тоже можетъ быть, какъ видите, не блестяще, но вѣрно и удобно. По колдобинамъ и рытвинамъ „кувыркаться“, какъ говоритъ Феть, не придется.

Неужели, не шутя, графъ А. Толстой сидитъ надъ Борисомъ Годуновымъ! Изумительная настойчивость этого добрѣйшаго, но скучнѣйшаго писателя, достойная лучшей участи!

На дняхъ сюда пріѣхалъ Н. А. Милютинъ съ женой; онъ все такая же развалина, хоть и поправился немного. А она во Франкфуртѣ недавно видѣла Боткина, Василья Петровича. Страшное, говорить, зрѣлище! Все тѣло *умерло* и не двигается; живая одна голова, высохшая, желтая, плѣшивая, и эта голова мертвеннымъ голосомъ говоритъ о ѣдѣ, объ одной ѣдѣ. Онъ до зимы не доживетъ. Оставилъ ли еще что-нибудь Фету въ завѣщаніи?

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

Воскресеніе, 5-го Сентября (24-го Августа) 69.

Что касается моего здоровья, то оно ничего, поправляется: я даже могъ сходить, конечно съ крайней осторожностью, два раза на охоту и довольно удачно.

Я на дняхъ ѣздилъ въ Мюнхенъ, чтобы посмотреть первое представленіе оперы Вагнера, „Золото Рейна“, да кстати и кое-что другое. Мюнхенъ—городъ интересный. Король Баварскій, какъ вамъ можетъ быть извѣстно, закадычный, даже *странный* другъ Вагнера, и музыка его—государственное дѣло въ Баваріи; но въ слѣдствіе различныхъ, самыхъ забавныхъ и спутанныхъ интригъ, изъ которыхъ Аристофанъ могъ бы извлечь любопытнѣйшую нравственно-сатирическо-политическую комедію, опера не была дана, а произошла только главная репетиція, на которой я присутствовалъ. Музыка и текстъ равно невыносимы, но вы знаете, между Нѣмцами есть такіе люди, для которыхъ Вагнеръ чуть не Христосъ. Я очень забавлялся всей этой путанницей. Когданибудь расскажу, быть можетъ даже печатно.

Работать ничего не могу и даже „Воспоминаній“ своихъ—чортъ бы ихъ побралъ! не окончилъ. Литературный мой винтъ размололся.

*

Баденъ-Баденъ. Thiergartenstrasse, 3.

Четвергъ, 7-го Октября (25-го Сентября) 69.

Вчера ходилъ за куропатками и зайцами, убилъ—первыхъ 8, а вторыхъ 4, а долженъ былъ бы убить гораздо больше, ибо выпустилъ 24 заряда. Отрывки изъ Воспоминаній кончилъ наконецъ!! и отправилъ къ Салаеву; но, какъ вы совершенно вѣрно предусмотрѣли, отрывокъ о „Славянофилахъ“, остался недоконченнымъ въ портфелѣ. Но въ теченіи зимы я непременно обработаю его и помѣщу въ Вѣстникъ Европы, такъ какъ я убѣжденъ что этотъ отрывокъ лучше всѣхъ другихъ, и въ немъ я говорю иѣсколько, по моему понятію, полезныхъ вещей.

Написалъ маленькій разсказъ, который—вы удивитесь!—появится (или уже появился) въ Нѣмецкомъ переводѣ въ одной Нѣмецкой revue; оригиналь будетъ напечатанъ въ 1-мъ № Вѣстника Европы. Шуточка очень небольшая и зовется: „Странная исторія“. Надо вамъ сказать, что я въ глазахъ Нѣмцевъ—у, какой писатель! и столько же меня хвалятъ здѣсь, сколько ругаютъ въ Россіи. Но я пережилъ ту эпоху, когда это могло меня радовать или печалить.

*

Бадень-Бадень, Thiergartenstrasse, 3.

Четвергъ, 25-го (13-го Ноября) 69.

И я кричу: ура! милѣйшій Иванъ Петровичъ. Могу сказать, что сердце у меня изныло по васъ. Я зналъ, чего слѣдовало ожидать въ случаѣ печальнаго исхода. Но теперь (вамъ извѣстно) послѣ подобной передраги въ молодости, ребенокъ дѣлается колоссомъ и застрахованъ лѣтъ на двадцать! А потому ничего не должно мѣшать вамъ хорошенько отдохнуть отъ всѣхъ этихъ жестокихъ тревогъ, которыя вы дѣйствительно никогда не забудете, но которыя въ воспоминаніи получаютъ даже нѣкоторую сладость, присущую всякой миновавшей опасности. Хлопочите по хозяйству, это тоже своего рода отдыхъ, хотя иногда при немъ спина трещитъ. вмѣстѣ съ грачами и жаворонками и я, гораздо болѣе похожій на грача, чѣмъ на жаворонка, явлюсь къ вамъ. То-то наговоримся тогда!

Вдова Плетнева написала мнѣ весьма раздраженное письмо, и Анненковъ уже извѣстилъ меня о предстоящей статьѣ Грота. Вотъ подите вы! Невольно приходитъ мнѣ на память мой собственный Егоръ Капитонычъ въ повѣсти: „Затишье“: „кажется, далеко, нѣжно сказалъ, а и тутъ не потрафилъ!“ Кто бы могъ подумать, что Плетнева я представилъ въ оскорбительномъ для его памяти видѣ!! Ничего тутъ не подѣлаешь.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю 6-го тома „Войны и Мира“, авось успѣлъ немного *разуруситься*, и вмѣсто мутнаго философствованія дасть намъ попить чистой ключевой воды своего великаго таланта.

То что вы мнѣ говорите о Катковѣ и Леонтьевѣ бросаетъ новый и весьма выгодный свѣтъ на ихъ личности, особенно отъ Леонтьева я не ожидалъ такого сердоболія и такой мягкости. Тѣмъ лучше!

Однако Салаевъ не торопится (въ свою очередь я таки порядкомъ его помучилъ) окончаніемъ моихъ сочиненій, т. е. перваго тома. Въ „Воспоминаніяхъ“ для васъ будетъ мало новаго; но вы, можетъ быть, съ нѣкоторымъ интересомъ прочтете отрывокъ озаглавленный: „По

поводу Отцевъ и Дѣтей“; я въ немъ высказался съ большою можетъ быть искренностью.

Третьяго дня была генеральная охота (облава) въ нанимаемомъ мною участкѣ. Насъ было 8 человекъ; убито было 6 дикихъ козъ, 67 зайцевъ, 2 вальдшнепа, 1 фазанъ, (по здѣшнему, цыфры весьма скромныя). Собственно я убилъ 2 козъ, 8 зайцевъ и 1 фазана.

Вотъ моя программа. Я до Марта мѣсяца остаюсь здѣсь (въ началѣ Декабря съѣзжу въ Парижъ на недѣлю), а въ Мартѣ отправляюсь черезъ Петербургъ и Москву въ Спасское, куда прибуду въ концѣ Апрѣля, къ эпохѣ соловьевъ. Авось на этотъ разъ моя программа исполнится.

P. S. А что вы скажете о чисто-республиканскихъ выборахъ города Парижа? Кажется, время паденія имперіи приближается.

*

Баденъ-Баденъ. Thiergartenstrasse, 3.

Пятница, 17-го (5-го Декабря) 69.

Вы уже теперь должно быть давно имѣете въ рукахъ мой 1-й томъ (я вчера его здѣсь получилъ отъ Салаева). Попалось нѣсколько опечатокъ, изъ коихъ вотъ главныя три: на первой же страницѣ два раза вмѣсто 1843-го г. поставленъ 1849-й годъ, какъ начальный годъ моей литературной карьеры, что не имѣетъ смысла, такъ какъ въ самомъ изданіи много повѣстей помѣчены годомъ предшествовавшимъ 49-му, да и все предисловіе написано какъ бы по поводу 25-ти лѣтняго моего юбилея (1843—1868). Потомъ на стр. XXXII-й, стр. 5-ая сверху вмѣсто: „младенца“—стоитъ: младенецъ. А на стр. XCIV-й стр. 9-ая, сверху—во фразѣ: „Я раздѣляю почти *всѣ* его убѣжденія“ пропущено слово *всѣ*, что искажаетъ совершенно смыслъ. Впрочемъ, какъ вы сами увидите, „Воспоминанія“ эти очень безобидны и даже безцвѣтны; статью объ Аксаковыхъ и Славянофилахъ я даже не помѣстилъ вовсе; она появится въ одномъ изъ №-въ Вѣстника Европы за будущій годъ.

Ахъ, душа моя, не понравилась мнѣ идиллія Фета, и я такъ-таки написалъ объ ней нашему другу, который уже отвѣчалъ мнѣ и сколь я могъ замѣтить—огорчился. Дѣло въ томъ, что подобный почти смѣшной сюжетъ (бритая барышня, которую нащупываютъ въ потьмахъ) могъ только выкупиться ослѣпительнымъ блескомъ или граціей изложенія: а этого-то я и не нашолъ: все прилично и вяло. Я, быть можетъ, ошибаюсь, но таково мое впечатлѣніе. А работу я ему уже до вашего письма задалъ: пусть онъ соберетъ свои судейскія воспоминанія и сдѣлаетъ изъ нихъ книжку: по двумъ-тремъ сообщеннымъ имъ

мнѣ анекдотамъ я вижу, что это можетъ выдти прелестно и преподательно въ родѣ—помните—его хозяйственныхъ писемъ. Только чтобы философствовалъ онъ поменьше! Ибо, хотя онъ на философію и нападаетъ, а самъ до мозгу костей ею проникнуть и заражонъ.

*

Баденъ-Баденъ. Thiergartenstrasse, 3.

Вторникъ, 4-го Янв. 1870. (24-го Дек. 1869).

Я на дняхъ ѣздилъ въ Веймаръ, куда мы переѣзжаемъ вмѣстѣ съ семействомъ Біардо съ 1-го Февр. нов. ст. на 2 мѣсяца съ половиною. (Тамъ отличная рисовальная школа, что очень нужно для старшей дочери). Въ половинѣ Апрѣля они возвращаются сюда, а я въ Россію, и либо въ Москвѣ, либо въ окрестностяхъ Мценска увидимся непременно. То-то будетъ хорошо!

Оказывается, что моя статейка объ „Отцахъ и Дѣтяхъ“ никого не удовлетворила. Подумаешь, я отказываюсь отъ своей славы, какъ Ростопчинъ отъ сожженія Москвы. Анненковъ даже сильно меня распекаетъ. А между тѣмъ каждое слово въ ней—самая святая правда, по крайней мѣрѣ, на мое сужденіе. Оказывается, что авторъ самъ не всегда знаетъ, что творить; чувства мои къ Базарову—личные мои чувства—были смутнаго свойства (любилъ ли я его, ненавидѣлъ ли, Господь вѣдаетъ!), а между тѣмъ образъ вышелъ до того опредѣленный, что немедленно вступилъ въ жизнь и пошолъ дѣйствовать особнякомъ на свой салтыкъ. Въ концѣ концовъ что за дѣло, что авторъ самъ думаетъ о своемъ произведеніи? То само по себѣ, а онъ самъ по себѣ; но повторяю—статья моя искренна, какъ исповѣдь.

Краевскій дѣйствительно въ Голосѣ подпустилъ мнѣ прескверный камуфлетъ. Никакъ я не ожидалъ подобной неделикатности, да и издатель Нѣмецкой revue, въ которой появился мой рассказецъ, увѣрялъ меня, что мои *соотечественники* изъ уваженія ко мнѣ такъ не поступятъ. Вотъ-те и уваженіе! Мнѣ ужасно досадно, что именно вы прочли эту вещь въ такомъ уродливомъ переводѣ. Будьте другъ, перечтите ее въ Вѣстникѣ Европы (въ 1-мъ №-ѣ), гдѣ она появится; притомъ же я тамъ, послѣ Нѣмецкаго изданія, кое-что прибавилъ и именно въ смыслѣ указанія на религиозное настроеніе Софи, которое вы, съ свойственной вамъ ясностью и вѣрностью пониманія, тотчасъ учуяли, какъ слабый пунктъ разсказа. Онъ весь составился у меня изъ двухъ анекдотовъ, изъ которыхъ одинъ я слышалъ, а другой самъ пережилъ; вещь весьма маленькая, но все таки Краевскій.... сынъ. Это онъ мнѣ мститъ за „Воспоминанія о Бѣлинскомъ“.

Шестой томъ „Войны и Мира“ я еще не получалъ; но въ фельетонѣ С. П. бурскихъ Вѣдомостей читалъ отрывки, отъ которыхъ повѣсилъ носъ.

*

Веймаръ. Hôtel de Russie.

Суббота, 12-го Фев. (31-го Янв.) 70.

Вотъ я и попалъ сюда наконецъ, милый мой Иванъ Петровичъ; пока идетъ жизнь жолтенькая, такъ какъ холода стоятъ страшные, дома въ Веймарѣ выстроены чуть не изъ воздуха, и до сихъ поръ я больше 7 градусовъ въ моей комнатѣ добиться не могу, что не совсемъ удобно. А вотъ, какъ нибудь, перемелется, да и зима не можетъ стоягъ вѣчно. Теперь дѣла поправить нельзя, и о Баденскомъ тепломъ домѣ вздыхать нечего. Во всякомъ случаѣ, я безъ семейства Виардо не могъ бы тамъ остаться.

Если мы встрѣтимся съ Урусовымъ, то мы вѣроятно, какъ водится, поспоримъ и какъ водится, каждый останется при своемъ мнѣніи. Во всякомъ случаѣ, нельзя такъ легко разрѣшать вѣчный, болѣе чѣмъ трехтысячилѣтній споръ между необходимостью вещей и свободной волей, и уничтоженіе (какъ то дѣлаетъ Толстой) одной изъ спорящихъ сторонъ—не разрѣшеніе задачи; оно показываетъ только неустойчивость и незрѣлость мысли, сопряженная съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ и самомяніемъ недоучки. Мы успѣемъ съ вами объ этомъ натолковаться.

Едва ли Фетъ пріѣдетъ и въ нынѣшнемъ году въ Баденъ. Скучно ему въ Степановкѣ и съ каждымъ годомъ будетъ скучнѣе; но онъ, хотя и полунѣмецъ, а внѣ Россіи жить не можетъ. Я не знаю человека, который бы могъ сравниться съ нимъ въ умѣніи хандрить. Вотъ кому бы слѣдовало оставаться вѣчно молодымъ!

Не знаю, писалъ ли я вамъ, что я, когда былъ въ Парижѣ, завтракалъ (послѣ 7 лѣтней разлуки) съ Герценомъ за 4 дня до его смерти, и онъ былъ веселъ и въ духѣ какъ никогда.

*

Веймаръ. Hôtel de Russie.

15-го (27-го) Марта 1870. Воскресеніе.

Письмо ваше было грустно и даже мрачно: картина современнаго нашего быта, которую вы рисовали немного представляла утѣшительнаго; и къ сожалѣнію, по всей вѣроятности, она очень близка къ правдѣ. Но такъ какъ даже носа своего не передѣлаешь (безъ помощи Венеры) и поневолѣ съ нимъ приходится жить, то *кольми паче* своей

родины не передѣлаешь и съ Россіянами приходится вѣкъ коротать. Вотъ прїѣду, посмотрю самолично.

А прїѣду я скоро, и это уже теперь не волки, волки! Николинъ день 9-го Мая, вотъ положительный и непреложный срокъ моего прїбытія въ Спасское. Останусь я тамъ до начала Іюля и уже конечно буду безпрестанно съ вами видѣться. Золотые ваши совѣты на счетъ Кишинскаго, хозяйства и т. д. я конечно къ свѣдѣнію принялъ, да я и такъ мало расположенъ къ торжественнымъ ревизіямъ и т. п. Прїятно мнѣ думать, что я увижусь съ Фетомъ; постараюсь, по старой памяти, съ нимъ поспорить, чтò мнѣ съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе становится, и глубже и глубже проникаюсь я истиной Тютчевскаго стиха: „Мысль изрѣченная есть ложь“.

Во всякомъ случаѣ такая мысль, къ которой собесѣдникъ не хочетъ идти благодушно на встрѣчу, не хочетъ помочь вамъ самимъ понять ее; а Феть—не изъ такихъ собесѣдниковъ: онъ изъ удилозакусныхъ.

Прочелъ я 6-й томъ „Войны и Мира“; конечно есть вещи первоклассныя; но, не говоря уже о дѣтской философіи, мнѣ непрїятно было видѣть отраженіе *системы* даже на образахъ, рисуемыхъ Толстымъ. Отчего это у него непремѣнно всѣ хорошія женщины не только самки, даже дуры? И почему онъ старается увѣрить читателя, что коли женщина умна и развита, то непремѣнно фразѣрка и лгунья? Какъ это онъ упустилъ изъ вида весь *Декабристскій* элементъ, который такую роль игралъ въ 20-хъ годахъ, и почему всѣ порядочные люди у него тоже какіе-то чурбаны съ малой толикой юродства? Боюсь я, какъ бы славянофильство, къ которому онъ, кажется, попалъ въ руки, не испортило его прекрасный и поэтическій талантъ, лишивъ его свободы воззрѣнія, какъ оно уже испортило Кохановскую и др. Художникъ, который лишается способности видѣть *бѣлое и черное*—и на право и на лѣво—тотъ уже стоитъ на краю гибели.

Здѣсь мнѣ живется порядочно. Здоровье удовлетворительно; работаю, конечно, очень мало. Было два удивительныхъ представленія Глюковского Орфея, въ которомъ г-жа Віардо была, по обыкновенію, гениальна. Ей самой, уже не пѣвшей на театрѣ нѣсколько лѣтъ, было очень прїятно помянуть прежнее; публика здѣшняя ее лелѣетъ и ласкаетъ. Веймаръ—городокъ небольшой, но въ немъ живутъ хорошіе и интересные люди.

*

Веймаръ, Hôtel de Russie. 13-го (1) Апр. 70. Середа.

Добрѣйшій Иванъ Петровичъ, вы, я увѣренъ, не сомнѣваетесь въ искренности моего сочувствія къ вашему горю. Смерть любимаго существа есть такъ же отчасти и собственная смерть, и прошедшее такъ же тяжело и горько умираетъ, какъ и настоящее. Вы похоронили тѣ дни, когда вы были счастливы, то существо, съ которымъ были счастливы—только теперь. Радуюсь за васъ, печальной, правда, радостью, что послѣднее впечатлѣнiе, произведенное на васъ чертами Н. А., было тихое и доброе. Дорога суживается и темнѣетъ передъ вами; но Петя живъ, и передъ нимъ жизнь все ширится и свѣтлѣетъ. Живите его жизнью. Я какъ-то на дняхъ сказалъ двумъ дочерямъ г-жи Вiардо, что я душевно радуюсь тому, что никогда не увижу ихъ милыя, молодыя лица даже начинающими отцвѣтать. Надо обновляться молодостью тѣхъ, которыхъ любишь. А потому-то я и былъ огорченъ тономъ вашего письма изъ Москвы. Очень уже онъ былъ мраченъ и какъ-то холодно отчаянъ. Вотъ погодите, потерпите только до весны; а тамъ мы вмѣстѣ все печальное изъ души вонъ выболтаемъ. Если буду живъ, я *непрѣменно раньше* половины Мая въ Спасскомъ.

Я окончилъ и почти уже переписалъ большую повѣсть, которую прочту вамъ. Немалую храбрость оказываю я уже тѣмъ, что продолжаю писать, не бросилъ пера, послѣ всѣхъ безобразій, которыя на меня сыплются. Страховъ въ „Зарѣ“ прямо называетъ меня „рабомъ“ гадкой старой бабой; право, нѣтъ позорнаго слова, которое бы не было примѣнено ко мнѣ. Вотъ, не думалъ, не гадалъ и попалъ въ Булгарины. По неволѣ самого себя ощущиваешь и думаешь: за чтò все это? Впрочемъ это не бѣда. Я бы желалъ, чтобы вся эта ругань меня больше сердила: тогда бы она придала мнѣ энергiи.

Фетъ, дѣйствительно, сталъ какимъ-то страннымъ: пишетъ мнѣ длиннѣйшія и, говоря по совѣсти, неудобопонятныя письма; видно только, что онъ постоянно чѣмъ-то внутренно раздраженъ. Я полагаю, что онъ никакъ не можетъ помириться съ прекращеніемъ своей литературной дѣятельности. Надо будетъ постараться и его нѣсколько успокоить. Къ сожалѣнію я въ Россіи до самаго развала охоты не останусь; развѣ онъ пріѣдетъ къ намъ въ Баденъ на нашихъ фазановъ и дикихъ козъ.

Сюда пріѣхалъ Листъ, и пріуготовляются различныя музыкальныя празднества.

Я очень радъ, что Салаевъ не хочетъ допустить меня до денежной потери; дѣло въ томъ, что онъ переслалъ мнѣ 3000 франковъ че-

резъ Лури, который на половину обанкротился и векселя котораго протестуются.

*

С. Петербургъ. Гостинница Клее.

Пятница, 22-го Мая 70.

Добрѣйшій Иванъ Петровичъ, вотъ наконецъ я попалъ сюда (со вчерашняго вечера). Во Вторникъ я выѣзжаю, въ Москвѣ остановлюсь всего одинъ день, много два, и въ Четвергъ или Пятницу я въ Спасскомъ. Предупрежду васъ о точномъ днѣ приѣзда письмомъ или телеграммой, а нынче хочу только сказать, что вотъ молъ я, и ружье привезъ Петъ и 300 патроновъ и все какъ слѣдуетъ.

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

Среда, 24-го Авг. 70.

Мы могли бы уже теперь истребовать отъ Л. Н. Толстого выигранную вами бутылку, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ; ибо послѣдніе удары, нанесенные Пруссаками, въ сущности, кажется, уже рѣшили дѣло. Нельзя не удивляться искусству, съ которымъ они сперва удержали глупаго Базена въ Мецѣ, потомъ преградили ему дорогу въ Верденъ, наконецъ поразили его на голову и отбросили его опять въ Мецъ, гдѣ онъ долженъ умереть съ голоду или сдаться. Эти три сраженія (14-го, 16-го и 19-го Августа) стоили имъ страшныхъ жертвъ, зато результатъ великъ. Ничто не мѣшаетъ теперь арміи кронпринца дойти до Парижа, Макъ-Магонъ навѣрное покинетъ Шалонскій лагерь. Окончательнаго исхода войны пока нельзя предвидѣть, но всѣ шансы на сторонѣ Нѣмцевъ.

Я очень хорошо понимаю, почему Толстой держитъ сторону Французовъ. Французская фраза ему противна, но онъ еще болѣе ненавидитъ разсудительность, систему, науку, однимъ словомъ, Нѣмцевъ. Весь его послѣдній романъ построенъ на этой враждѣ къ уму, знанію и сознанію, и вдругъ ученые Нѣмцы бьютъ невѣжъ Французовъ!! (Кстати, неужели юридивецъ*), напечатавшій въ Московскихъ Вѣдомостяхъ какія-то нелѣпыя пророчества съ планами, тотъ же самый кн. Урусовъ, съ которымъ такъ друженъ Толстой?). Съ своей стороны я,

*) Князь Сергѣй Семеновичъ Урусовъ (сынъ Датчанки), человекъ высокихъ нравственныхъ качествъ, отличный математикъ и шахматный игрокъ, тѣмъ не менѣе писавшій большое историческое сочиненіе, въ которомъ доказывалъ, что Павелъ Петровичъ скончался естественною смертью. Онъ и Страховъ писали графу Л. Н. Толстому чуть не акаансты и натвердили ему, что безъ философской подкладки его „Война и Миръ“ не будутъ имѣть настоящей цѣны. П. Б.

„не мудрствуя лукаво“, радуюсь поражению Франціи, ибо вмѣстѣ съ нею поражается на смерть Наполеоновская имперія, существованіе которой несомнѣнно съ развитіемъ свободы въ Европѣ. Я выразилъ это мнѣніе въ письмахъ къ Анненкову, отрывки которыхъ были помѣщены въ 216 № С. П. бургскихъ Вѣдомостей (8-го Августа). Я, между прочимъ, привелъ тамъ нѣсколько отличныхъ обращиковъ Французской „фразы“.

Радуетъ меня то, что вы мнѣ пишете о Толстомъ и о Фетѣ, жаль только, что сей послѣдній все еще не хочетъ разстаться съ Музой. Е. Д. Шеншина описана вами превосходно, такъ же и ея сынокъ.

По ночамъ здѣсь ясно слышно бомбардированіе Страсбурга, который уже до половины выжженъ. Даже лежа въ постели, при закрытыхъ окнахъ, все еще ухо улавливаетъ глухія рокотанья и сотрясенья. Поневолѣ предаешься философическо-историческо-соціальнымъ размышленіямъ весьма невеселаго свойства. Желѣзный вѣкъ еще не прошелъ, и мы все еще варвары! И вѣроятно останемся таковыми до конца дней.

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

Четвергъ, 12-го (1-го) Окт. 1870.

Изъ Петербурга извѣстія невеселыя: мѣсто „начальника печати“ получилъ нѣкто генераль Шидловскій, бывшій Тверской губернаторъ, изъ молодыхъ да ранній; безъ скрыпу зубовъ не произноситъ ни одного слова и призванъ для укрощенія. Редакторы трепещутъ. Фетовское безобразничанье, о которомъ вы пишете, имѣетъ то еще неприятое, что оно не наивно: въ немъ чувствуется кислое броженіе уязвленнаго и закупореннаго литературнаго самолюбія. Кишинскій такъ же хнычетъ и, кажется, никакихъ надеждъ на хорошій доходъ не подаетъ; а тутъ война затягивается на вѣки-вѣчныя, вѣроятность мира исчезаетъ, и погода, подъ ладъ всему остальному, испортилась: вѣтеръ завываетъ такъ, что зубы ноютъ. Словомъ, куда ни оглянись, веселаго мало.

Я черезъ недѣлю на нѣсколько дней отлучусь изъ Бадена: провожу до Остенде семейство Віардо, которое отправляется зимовать въ Лондонъ. Война ихъ, если не раззорила окончателно, то лишила всякаго дохода въ нынѣшнемъ и будущемъ году; ей приходится пѣніемъ въ концертахъ, даваніемъ уроковъ вырабатывать себѣ деньги, а деньги находятся теперь только въ Англіи. Проводивши ихъ, я вернусь сюда и проживу здѣсь еще съ мѣсяць. А тамъ и въ путь-дорогу!

„Степной Король Лиръ“ явится вѣроятно въ Ноябрьской книжкѣ Вѣстника Европы, а пока я настрочилъ другой небольшой рассказецъ

подъ заглавіемъ: „Стукъ, стукъ, стукъ“.... Тоже воспоминаніе молодости. Это разсказецъ еще неизвѣстно куда попадетъ.

Охотился я ни дурно, ни хорошо, однако вчера убилъ большаго дикаго козла.

Когда будете писать Петъ, поцалуйте его за меня; я увѣренъ что, какъ *педагог*, Леонтьевъ и Катковъ молодцы; какъ политическіе дѣятели—это вопросъ другой. А повѣсть Фета что-то не появляется въ Русскомъ Вѣстникѣ!

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

Пятница, 28-го (16-го) Окт. 70.

Черезъ недѣлю я переѣзжаю въ Лондонъ, гдѣ уже находится все семейство Віардо. Я ѣздилъ провожать ихъ до Остенде, недавно вернулся и теперь самъ на мази. Зима въ Лондонѣ—невеселое дѣло, но все же лучше совершеннаго Баденскаго одиночества. Съ начала Января я въ Петербургъ, а въ концѣ Января въ деревнѣ.

Въ письмѣ вашемъ вы пишете, что, кажется, дѣла Нѣмцевъ пріостановились, а сегодня пришло извѣстіе о сдачѣ арміи Базена и Меца. Первоклассная нетронутая армія, громаднѣйшіе запасы, все имъ досталось въ руки. Это почти хуже Азина. Франція *покончена*, какъ Польша; повѣрьте мнѣ—это только вопросъ времени. Точно такъ же будетъ и Парижъ взятъ. Вотъ уже недѣля, какъ здѣшнія желѣзныя дороги взяты подъ новыя несмѣтныя войска, которыя идутъ потокомъ, лавой, во Францію, на Ліонъ.... вся Германія хлынула во Францію; говорятъ, около милліона войска въ распоряженіи у Мольтке! Просто небывалое дѣло, и остается только воздѣть руки къ небу. А несчастная Франція все топорщится, все не хочетъ уступать.... Странно со стороны смотрѣть на эту жалкую мучительную агонію.

Дай-то Богъ, чтобы обѣщанья Кишинскаго исполнились. Я, признаюсь, какъ увидѣлъ его на праздникѣ въ Славянофильскомъ костюмѣ, такъ и ахнулъ! Непремѣнно, думаю, дуракъ.... Такъ и вышло.

Въ Русскомъ Вѣстникѣ я видѣлъ *первый романъ* съ примѣсью стиховъ, и подумалъ, чтѣ за старина? Но такъ какъ вы рекомендуете, то я прочту. Очень вѣрно вами охарактеризованы женскія литературныя издѣлья. А что же повѣсть Фета и стихи его? Неужели „и ты Брутъ Катковъ?“.... Чтѣ, онъ опять выбранъ въ мировые?

У насъ третьяго дня вечеромъ такой былъ ураганъ, что никто не запомнить. Чтѣ крышь, трубъ снесло, и сказать нельзя, громаднѣйшія

деревья скошены какъ трава, весь нашъ дебаркадеръ (лѣтняя станція) завалился. У меня архитекторъ вздумалъ подѣ предлогомъ стили во вкусѣ Людовика XIII-го вывести престрашнѣйшія трубы, одна изъ нихъ рухнула, крышу пробила, террасу уничтожила: таже бомба! Рублей въ 500 вскочить, а то и больше пожалуй. Изъ газетъ видно, что таже буря кругомъ свирѣпствовала: съ Штутгардскаго театра всю крышу начисто снесла. На другой день мы охотились въ лѣсу, такъ точно сраженіе! Деревья лежатъ другъ на другѣ какъ убитые воины. Говорять, такой трескъ и гамъ стоялъ въ лѣсахъ, что волосы поднимались дыбомъ у проѣзжавшихъ. Много народу поранено. Есть и убитые.

*

Баденъ-Баденъ. Schillerstrasse, 7.
25-го Янв. (7-го Февр.) 1868.

Милый Петя!

Непростительно,
Скажу больше, отвратительно,
Что такъ долго я молчалъ,
Хоть писать и обѣщалъ.
Да что дѣлать! Лѣнь... охота...
И на умъ нейдетъ работа.
Но теперь конецъ стрѣльбѣ!
Обращаюсь я къ тебѣ.
Ну, пріятель мой Орловскій
Нынѣ гимназистъ Московскій,
Расскажи-ка мнѣ путѣмъ
Или прозой, иль стихомъ,
Какъ твое проходитъ время?
По плечу-ль науки бремя?
Не скучаешь ли? Не бось,
Онѣмечился, хоть брось!
Но бѣды большой въ томъ пѣту.
Много я бродилъ по свѣту,
Много слушалъ тѣхъ, другихъ
И своихъ-то и чужихъ...
А скажу: передъ Минервой
Нѣмецъ все же нуженъ первый,
И учить насъ Русаковъ
Онъ особенно здоровъ.
Съ величайшимъ прилежаньемъ
И терпѣньемъ и стараньемъ,
Ты внимай его словамъ;
Послѣ, какъ окрѣпнешь самъ,
Ты свои расправишь крылья

И помчишься безъ усилія
 Все впередъ, впередъ, впередъ...
 Всѣ тогда разинуть ротъ
 И воскликнуть: „Эта птичка
 Съ ноготкомъ, хоть невеличка!“

Вотъ, братъ Петя, какіе твой старый пріятель тебѣ даетъ совѣты; а когда наступить лѣто, быть можетъ папа тебя возьметъ на ваканціи въ деревню; и я тогда тамъ буду, потому что въ нынѣшнемъ году я намѣренъ побывать въ Россіи; то-то мы съ тобою нагуляемся, малины и земляники накушаемъ, въ рѣчкѣ накупаемся, обо всякихъ предметахъ наспоримся! Я убѣжденъ, что ты и теперь такой же спорщикъ, какимъ я тебя зналъ три года тому назадъ. Но и то сказать: три года много значуть, ты, пожалуй, съ тѣхъ поръ выросъ, остепенился, можетъ быть даже хохолокъ у тебя на головѣ завить, и ты уже мечтаешь о томъ, что ты кавалеръ хоть куда! Какъ бы то ни было, я увѣренъ, что мы встрѣтимся и разстанемся большими пріятелями. А потому заочно тебя цѣлую и говорю: до свиданія, въ деревнѣ или въ Москвѣ. Будь здоровъ и учись хорошенько и помни искренно тебя любящаго Ив. Тургенева.

*

Лондонъ. 16, Beaumont-street. Marylebone, 15-го (3-го) Іюля 1871.

Петѣ Борисову.

Спасибо тебѣ, милый Петя, за твое письмо; хотя признаюсь, я ожидалъ найти въ немъ нѣсколько словъ о моемъ другѣ, твоёмъ покойномъ, добрѣйшемъ отцѣ, незамѣнимую потерю котораго ты, кажется, не вполне оцѣняешь, а не пространное и, извини меня, совершенно нелѣпое описаніе тѣхъ Нѣмцевъ-воиновъ, которые, по твоему предположенію, теперь то и дѣло куражатся и бахвальствуютъ. Въ томъ то и дѣло, милый Петя, что и первоклассному лицейскому ученику нельзя говорить зря: Нѣмецкіе солдаты, послѣ войны, большей частью, перестаютъ быть солдатами, потому что они не преторіянцы, а возвращаются каждый къ своему занятію. Да и въ день торжественнаго вступленія войскъ въ Берлинъ, Англійскіе, совершенно безпристрастные, скорѣй недоброжелательные корреспонденты, удивлялись ихъ скромности и тишинѣ. Бойся реторики, дружокъ мой, да краснаго слова! Оно почти всегда ложно.

Желаю тебѣ хорошенько поправиться и раздобрѣть въ Степановкѣ и надышаться ея благодатнымъ, степнымъ воздухомъ! Къ стрѣльбѣ, я

полагаю, тамъ мало предстоитъ случаевъ; но пожалуйста, будь остороженъ и безъ дяди не бери ружья въ руки. Вкладывай только тогда патронъ, когда хочешь стрѣлять, а не выстрѣливши, вынимай его тотъ часъ. За симъ тебя обнимаю крѣпко и желаю всего хорошаго.

Твой старый другъ Ив. Тургеневъ.

Чтоъ сталося съ молодымъ Борисовымъ, не знаемъ; кажется, что онъ рано умеръ. Отношенія къ нему Тургенева умилительны. Вообще къ Тургеневу можно отнести Пушкинское двустишіе:

Онъ человѣкъ, владѣеть имъ мгновенье;
Онъ рабъ молвы, сомнѣній и страстей.

Потомству есть за что простить Тургеневу его недостатки. П. Б.

